

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМ II. Книга 1
(Киевская и Московская Русь)

Составители *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2002

А. Золтан

ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ЗАПАДНОРУССКОЙ ЛЕКСИКИ В ВЕЛИКОРУССКИЙ ДЕЛОВОЙ ЯЗЫК В XV в.*

1. В предшествующих публикациях на тему западнорусской лексики в памятниках великорусской письменности XV в. мы обосновывали предположение о том, что главным проводником западнорусского влияния в Московской Руси в середине XV в. было духовенство (см. Золтан 1983, 96; 1984, 12—22; 1985, 259—260). Это предположение подтверждается также анализом грамот, вышедших из канцелярии митрополита Ионы.

Рязанский епископ Иона был поставлен в митрополиты собором великорусских епископов по инициативе Василия II в конце 1448 г.; его поставление на первых порах не было признано законным со стороны литовских властей, так как в Западной Руси законным митрополитом «всея Руси» считался и в дальнейшем Исидор, изгнанный из Москвы еще в 1441 г. из-за принятия унии на Флорентийском соборе. Первые два года правления митрополита Ионы были наполнены борьбой за восстановление единства митрополии «всея Руси», разумеется, под управлением его самого. В этой борьбе, закончившейся к началу 1451 г. подчинением Ионе литовских епархий (под номинальным управлением Исидора оставалась только галицкая епархия), московский митрополит, ставленник московского великого князя, мог рассчитывать на поддержку православных князей и магнатов в Литве, чтобы через них повлиять на литовский сенат («раду») и подготовить благоприятное для себя решение великого князя Казимира IV. Имеются сведения о том, что Иона активно участвовал и в политическом сближении Москвы и Литвы, в частности в подготовке мирного договора между Василием II и Казимиром IV, заключенного в 1449 г. (ДДГ, № 53, с. 160—162), при этом его заслуги были высоко оценены также Казимиром IV. Об этом свидетельствует послание Ионы Казимиру ок. 1450 г., в котором говорится: «Что еси, господине и сыну, прислалъ къ нашему сыну, а къ своему брату, Великому князю Василью Васильевичю своего посла Гармана съ рѣчьми и съ листы [...], а ко мнѣ еси своему богомолцу приказалъ съ нимъ, чтобъ вашъ богомолецъ общій попечение имѣлъ межю васъ великихъ государей о вашемъ братствѣ» (по сп. XVI в., ААЭ I, № 49, с. 36; ср. Голубинский II/1, 492—493). Василий II, в свою очередь, поддерживал притязания Ионы на литовские епархии, на что указывается в настольной грамоте Казимира IV Ионе от 31 января 1451 г.: «мы Казиміръ [...] гадаваше и добрѣ, смотривше съ нашимъ братомъ, великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ, и съ нашими князьми и паны, съ нашею Радою, полюбили есмо себѣ отцемъ митрополитомъ Иону» (РИБ VI, № 67, с. 563—564). Таким образом,

* Печатается по изд.: Studia Slavica Hung. 34/1-4. 1988. Akadémiai Kiadó, Budapest.

признание Ионы главой православной церкви и в Литве можно считать результатом совместных усилий московской церковной и светской дипломатии. Для успешного проведения этой акции митрополиту Ионе нужны были люди, хорошо разбирающиеся во внутривосточных условиях Литвы и в то же время промосковской политической ориентации. Таких людей можно было найти легче всего в окружении православных князей в Литве. Укажем в первую очередь на киевского удельного князя Александра (Олелько) Владимировича, сына того Владимира Ольгердовича, который не перекрестился в католичество в 1386 г. Александр Владимирович был ревностным покровителем православия в Литве, тем более что был женат на Анастасии Васильевне, сестре Василия II. О контактах Ионы с киевским князем свидетельствует грамота митрополита, адресованная князю еще до 31 января 1451 г. (РИБ VI, № 66, с. 555—564); роль Владимира Александровича в подчинении Ионе литовской православной церкви подтверждается подписью князя на цитированной выше грамоте Казимира IV от 31 января 1451 г. (см. РИБ VI, № 67, с. 566; ср. также Соболевский 74). О том, что семья киевского князя поддерживала и личные контакты с московским великокняжеским домом, свидетельствует известие Никаноровской летописи как раз под 1451 г.: «Был на Москвѣ князь Семень Олелковичъ оу своей бабы великие княгини Софии [Витовтовны. — А. З.] и оу великого князя Василия, оу дяди своего» (ПСРЛ XXVII, 116); напомним, что киевского племянника московского великого князя крестил в свое время не кто иной, как митрополит Фотий (в 1420 г.), только что получивший обратно духовную власть над западнорусской церковью, которой в 1415—1419 гг., управлял Григорий Цамблак (см. Попов 1875, 330, примеч. 1). Из других влиятельных православных политических деятелей в Литве, содействовавших признанию Ионы, можно назвать князя Свидригайла Ольгердовича, служившего раньше и Василию I (см. Воскр. лет. под 1408 г., ПСРЛ VIII, 82), и канцлера Великого княжества Литовского Михаила Кезигаевича, подписи которых также фигурируют на указанной настольной грамоте Казимира IV (ср. Галецкий, 92).

По-видимому, этими контактами митрополита Ионы объясняется то обстоятельство, что западнорусизмы в его грамотах встречаются раньше, чем он стал «общим богомольцем» как Василия II, так и Казимира IV. Надо при этом учитывать, что все послания Ионы сохранились в списках 1-й половины XVI в., и поэтому многие западнорусские черты в орфографии, морфологии и синтаксисе могли стираться при переписывании. Несмотря на это, в грамоте киевскому князю Александру Владимировичу, написанной до официального признания Ионы со стороны Казимира IV, наряду с лексическими западнорусизмами мы находим и западнорусскую конструкцию *писати до кого*: «[Казимир] писалъ до насъ, до своихъ богомольцовъ, свой листъ» (РИБ VI, № 66, с. 561—562). Это может свидетельствовать о том, что выходцы из Литовской Руси работали в московской митрополичьей канцелярии уже до 1451 г. Из лексических особенностей, характерных для западнорусского писца, укажем на употребление слова *лист* не только для обозначения западнорусской грамоты, но и для московской, ср. в грамоте Ионы Казимиру IV ок. 1450 г.: «А о которыхъ еси дѣлѣхъ къ нему на своихъ листѣхъ написал [...], братъ вашъ Князь Великій о всемъ къ тебѣ на своемъ листу написалъ»; «А о чемъ ти, господине и сыну, и опричь сего нашего листу иметь мой діякъ Василей Карло говорить рѣчми» (ААЭ I, № 49, с. 36—37), хотя противопоставление московской *грамоты* иностранному (западнорусскому, польскому

и вообще западноевропейскому) *листу* в московских дипломатических документах и летописных известиях выдерживается довольно последовательно еще и в XVI в. (см. Кохман 1978, 82—84; ср. Золтан 1983а, 341). На основании этих немногочисленных, но все же показательных данных можно предположить, что западнорусские писцы появились в московской митрополичьей канцелярии не вследствие подчинения митрополиту Ионе литовской православной церкви в 1451 г., а уже несколько раньше и, по-видимому, в связи с дипломатической деятельностью Ионы, направленной на воссоединение митрополии после его поставления в 1448 г.

Как было отмечено нами, в этих ранних грамотах Ионы фиксируются также западнорусские по происхождению слова *господарь* и *господарство* (см. Золтан 1983, 93—99); отметим еще употребление прилагательного *польский*, которое засвидетельствовано только в составе титула Казимира IV как польского короля: «И какъ Богъ положилъ на сердце великому господарю, благородному славному превысокому, отъ Вседержителя Бога превъзвышенному *польскому* королю и великому князю литовскому Казимиру, самодержцу; великихъ двоихъ господарствъ»; вне титула употребляется в том же предложении обычное в древнерусском языке в данном значении прилагательное *лядский*: «Какъ отъ своего господарства отъ лядскихъ державъ въ своихъ же державахъ какъ будетъ въ литовской земли» (РИБ VI, № 66, с. 561—562). По-видимому, прилагательное *польский* появилось в великорусском языке впервые в составе польского королевского титула, ср. также в летописном известии 1430 г. о съезде монархов у Витовта: «*король польский* Ягаило Олгердовичъ» (Сокр. лет. св. 1495 г., ПСРЛ XXVII, 343), хотя в XV—XVI вв. поляков называли в Московской Руси обычно *ляхами*. Самоназвание поляков — *поляк*, как и прилагательное *польский* стали общеупотребительными в Московской Руси с начала XVII в. (Черных 1956, 201; ср. Кохман 1967, 77).

После занятия киевской кафедры Иона обращается к Казимиру IV с просьбой о подчинении себе также галицкой православной церкви. В соответствующем послании новых западнорусизмов мало, отметим лишь форму *княжату* (*прускому*) в официальной титулатуре короля (РИБ VI, № 68/1, с. 566—567; ср. Срезн. I, 563), восходящую к западнорусскому *княжа* ‘князь’ (ср. в титуле польских королей: *княжа Пруское*, ССУМ I, 480; эта форма возникла в западнорусском под влиянием польск. *książe* ‘князь’, ср. Дамерау 72). О необычности этой формы в великорусском свидетельствует и неправильное склонение (должно быть *княжати*, дат. п.; позже, в XVI в., в аналогичных случаях в московских грамотах, адресованных польским королям, пишут просто *княже*, см. Иван Грозный, 213).

В посланной одновременно с этим посланием грамоте литовскому канцлеру Михаилу Кезигаюловичу наряду с лексическими западнорусизмами встречаются и грамматические: *до* + род. п. вместо *к* + дат. п., а также форма 1-го л. мн. ч. *есмо* от *быти*, ср. «*А нынѣ, сыну, послали есмо до великого господаря [...], и до васъ, до великихъ пановъ*» (РИБ VI, № 68/II, с. 568; ср. также в грамоте 1456 г., адресованной полоцкому епископу Симеону: «*Листъ твой, сыну, до насъ пришелъ*», РИБ VI, № 78, с. 611). Можно полагать, что эта грамота была написана вообще на западнорусском языке.

В документах 1451 г. о назначении митрополичьих наместников для Киева и Литвы Иона обращается к своим наместникам, чтобы они управляли церковью «по доводу всяко божественныхъ и священныхъ правилъ и церковнаго пра-

вильного нашего *дохода*», а также к православному населению: «Вы же [...] князи и *панове*, и архимондриты и протопопове, и игумены и *мѣстичи* [...]. А также сынове, благославляю васъ всѣхъ *посполно*, чтобы тѣтъ нашъ намѣстникъ въ *доходѣхъ* и въ пошлинахъ церковныхъ ни отъ кого не обиженъ былъ». Документы эти названы, впрочем, *листами*: «Данъ *листъ сій* въ Новѣгородку» (РИБ VI, № 69, с. 572).

Слово *мѣстичь* 'горожанин', вопреки утверждениям некоторых исследователей (Гринчишин 73; ср. также Укр. лекс. 249, 269), не является древнерусским. Оно, правда, встречается довольно рано в восточнославянских памятниках, но до XV в. только в западнорусских, как, например, в грамоте Кейстута торунских купцам 1341 г. (в форме *мѣстычъ*, см. Срезн. II, 244—245; ССУМ I, 627); проверка летописных источников, цитируемых в словаре И. И. Срезневского, приводит также к выводу, что слово это в XII—XIV вв. было известным только в Западной Руси. В Ипатьевской летописи слово *мѣстичь* встречается только в составе Галицко-Волынской летописи: «[Мстислав] созва бояры Володимѣрьскыа бра своего и мѣстичѣ Роусци и Нѣмцѣ» (1287 г., ПСРЛ II, 905); «*мѣстичѣ* [вар.: *мѣстичи*] же не быахоуся по Болеславѣ с горожаны, но рекоша, кто сядеть княжити во Краковѣ то нашъ князь» (1290 г., ПСРЛ II, 934); в последней цитате «мѣстичи» противопоставлены «горожанам» в соответствии с польской семантикой производящих основ (ср. польск. *miasto* 'город' и *gród* 'крепость'). В Летописце Переяславля-Суздальского (сп. XV в.), дошедшем до нас в составе сборника, составленного в Западной Руси (Соболевский 1980, 59), слово *мѣстичь* встречается в составе «Жития Феодосия Печерского»: «Единою бо емоу любяще некое *мѣстича*, именемъ яна» (под 1091 г., Переясл. лет. 50). В древнейших списках «Жития» (Усп. сб., л. 26а—67в, с. 71 135; ПСРЛ I, 183—198) этот эпизод отсутствует; эпизод «О преречении святого» появляется только в Кассиановской редакции Киевского патерика (1462 г., сп. конца XV в.), но там Ян назван *вельможей* (Пат. Печ., 61). Таким образом, следует принять, что слово *мѣстичь* попало в этот текст позже (не раньше 2-й пол. XV в.) в результате западнорусской переработки «Жития». Зап.-русск. *мѣстичь* заимствовано, по всей вероятности, из др.-польск. *mieścic* 'горожанин' (см. ССтп IV, 243), несмотря на то, что древнепольское слово засвидетельствовано позже (1391 г.), чем западнорусское (1341 г., не считая летописных данных), так как дериват *мѣстичь* со всей очевидностью связан не с восточнославянским (и праславянским) значением прасл. *město ('locus'), а со вторичным его значением ('civitas'), возникшим в западославянских языках под немецким влиянием (ср. нем. *Stadt* и *Statt*). Др.-польск. *mieścic* было самостоятельным польским дериватом от *miasto* (может быть, по аналогии с *szlachcic* от *szlachta*, как название определенного слоя населения). Впоследствии и в самом польском языке *mieścic* было вытеснено бегемизмом *mieszczanin* (отмечается с 1400 г. ССтп IV, 237—238; ср. Мельников, 104). В великорусских памятниках, кроме указанной грамоты Ионы, которая была адресована православному Литвы, слово *мѣстичь* появляется в летописном известии 1456 г. о прибытии в Москву смоленского епископа Мисаила: «Прииде ись Смоленска к великому князю на Москву владыка Смоленскы Мисаило со многими *мѣстичи* Смоленскими бити челом ему, что бы пожаловал отпустилъ икону пресвятыя богородица, ея же плъном взялъ Юрга» (ПСРЛ XXV, 273; ср. ПСРЛ XVIII, 209; ПСРЛ XXVI, 213). Слово *мѣстичь* позднее встречается еще в летописном известии 1500 г., относящемся к Литве: «Также и ко князем Руским и к Виленским

мѣстичем, и ко всей Руси [...] посылал к ним» (ПСРА XXVI, 292). Как видно, слово *мѣстичь* в великорусских памятниках употреблялось только для обозначения городского населения Литовской Руси (ср. также ДРС IX, 110), и, таким образом, можно его считать экзотизмом в великорусском языке, в отличие от западнорусского, где оно входило в основной словарный фонд (ср. Спринчак 1956, 119). Однако вскоре и в западнорусском старый полонизм *мѣстичь* был заменен новым: *мѣщанинъ* (ср. ССУМ I, 630); при взятии Смоленска 1514 г. привели к крестному целованию уже «князей и боярь Смоленских, и мѣщань, и всѣх людей» (ПСРА XXVI, 304; ср. Золтан 1977). Слово *мѣщанинъ* в XVI в. оставалось еще экзотизмом (ср. ДРС IX, 143—144); широкое распространение оно получило в великорусском, по-видимому, позже, в связи с основанием в Москве в XVII в. Мещанской слободы, заселенной военнопленными и добровольными выходцами из восточных областей Речи Посполитой после русско-польской войны 1655 г. (см. Богоявленский, 15—21).

Слово *посполно* 'совместно' восходит к зап.-русс. *посполм* 'то же' (ССУМ II, 205), заимствованному, очевидно, из др.-польск. *pospolnie* 'то же' (ССтп VI, 444—445).

Вопрос о западнорусском происхождении русск. *доход*, насколько нам известно, еще не ставился в научной литературе; преобладает убеждение, что русск., укр., болг., мак. *доход*, польск. *dochód*, чешек, *důchod* 'доход, прибыль' являются континуантами **dochodъ*, якобы существовавшего уже в праславянском (ЭСРЯ 1/5, 180; БЕР I, 415—416; СПрасл IV, 29; большую осторожность по отношению к этому слову проявляет О. Н. Трубачев, который не только не приводит отдельной статьи *dochodъ*, но не упоминает о нем даже в статье *dochoditi*, см. ЭССЯ V, 52). Однако уже на основе самого материала, собранного в указанных словарях, можно иметь некоторые сомнения в состоятельности этой точки зрения. Прежде всего, весьма шатка аргументация по отношению к южнославянскому материалу. В болгарском и русском этимологических словарях игнорируется указание С. Младенова (цитированное в СПрасл) на то, что болг. *доход* в данном значении является поздним русизмом (в среднеболгарском с XIII в. в данном значении засвидетельствовано *доходѣкъ*, см. у Ильинского, по указателю; ср. совр. болг. диал. *доходѣк*, БЕР I, 415); упускается также из виду, что в сербскохорватском в данном значении выступает в основном не *доход* (которое, кроме единичных поздних случаев, засвидетельствовано только в конкретных значениях), а *доходак* (уже с XIII в.). Напомним, что с.-х. *доходити* — в отличие от соответствующих по структуре восточно- и западнославянских глаголов — имеет значение 'приходить', значит, с.-х. *доходак* — это 'то, что приходит' (ср. венг. *jövedelem* 'доход' от *jön* 'приходить', калькирующее, по-видимому, с.-х. *доходак*), и поэтому не является безупречной параллелью к словам типа русск. *доход*, польск. *dochód*, которые, по мнению авторов этих же словарей, являются отглагольными существительными от глагола **dochoditi*, имеющего в восточно- и западнославянских языках другое значение ('доходить до какого-л. предела'). Поздние (с XIX в.) и редкие формы с.-х. *доход*, словен. *dohod* 'доход' следует рассматривать как заимствования из других славянских литературных языков; то же самое можно сказать и о мак. *доход*, в котором уже само наличие -х указывает на книжный характер слова. Таким образом, южнославянский материал, приведенный в указанных словарях, скорее противоречит праславянскому характеру этого слова, чем подтверждает его.

Все это позволило бы еще рассматривать **dochodъ* ‘proventus, tributum’ как праславянский диалектизм (северо-западный, в отличие от южного **dochodъkъ*). Однако оказывается, что *доходъ* в данном значении нельзя считать даже общевосточнославянским, так как фиксация др.-русск. *доходъ* с XIV в. (принимаемая в СПрасл вслед за ДРС IV, 345) основывается на недоразумении. Дело в том, что слово *доходъ* в указанном значении на самом деле засвидетельствовано в Никоновской летописи под 1342 г. («Нѣции же рустии челоуѣци оклеветаша Феогнаста митрополита къ царю, яко “много безчислено имать *дохода*, и злата, и сребра и всякаго богатства”», ПСРА X, 215), но сама эта летопись была составлена лишь в XVI в. (по новейшим исследованиям, в период между 1526—1530 гг., см. Клосс, 51). Примеры, приведенные И. И. Срезневским из русских переводов ханских ярлыков 1267 и 1379 гг., данных русским митрополитам (Срезн. I, 719), также не могут свидетельствовать об известности слова *доходъ* в великорусском языке XIII—XIV вв., так как оно не читается в самых ранних переводах, сохранившихся в списках середины XV в. (см. ПРП III, 465—491), но только в т. н. «пространной» и «смешанной» коллекциях ханских ярлыков, возникших путем переделки и дополнения (т. е. фальсификации) т. н. «краткой» коллекции в целях доказательства того, что уже татарские цари гарантировали иммунитет церковных имений. Переделка имела место в связи с собором 1550 г. (Приселков 1916, 47—50; слово *доходъ* в одном из списков «смешанной коллекции» см. там же, 110). Таким образом, употребление слова *доходъ* в списках этих двух позднейших редакций при отсутствии его в первоначальной редакции свидетельствует лишь об известности данного слова во время составления указанных редакций, т. е. в первой половине XVI в. Пример И. И. Срезневского из грамоты 1425 г. взят также из позднего списка (XVII в.). Единственный пример у И. И. Срезневского, не вызывающий никаких сомнений в отражении современной датировке употребления слова *доходъ*, восходит к жалованной грамоте Ягайла своему брату Скиригайлу 1387 г., изданной по подлиннику (см. Пещак, № 40, с. 74—79); эта грамота, разумеется, относится к памятникам не великорусского, а западнорусского делового языка. Таким образом, до указанной грамоты митрополита Ионы 1451 г. у нас нет достоверных данных о наличии слова *доходъ* в великорусском (в КДРС после указанной выше, вошедшей в ДРС цитаты из Никоновской летописи следует фиксация слова *доходъ* в цитируемой нами грамоте Ионы, а затем фиксации в великорусском актовом материале начиная с 1585—1586 гг.); имеются лишь данные, свидетельствующие о широком распространении этого слова в западнорусском начиная с последней четверти XIV в. (ССУМ I, 323). В западнорусской деловой письменности XIV—XV вв. слово *доходъ* является самым частотным членом синонимического ряда *доходъ* (457 словоупотреблений в источниках ССУМ) — *приходъ* (76 раз, ССУМ II, 249) — *пошлина* (12 раз, ССУМ II, 218), между тем как в великорусской письменности до самого конца XV в. случаи употребления этого слова являются спорадическими, и при этом, как мы видели, впервые оно засвидетельствовано в документе митрополицией канцелярии, связанном с Западной Русью. Отметим, что слово *доходъ* к этому времени закрепилось в западнорусском языке не только как общее название всякого рода поборов в пользу светских феодалов, но и в пользу церкви, в том числе и православной, как это отчетливо явствует, напр., из жалованной уставной грамоты упомянутого выше киевского удельного князя Александра (Олелько) Владимировича 1441 г., данной им предшественнику Ионы на

ной им предшественнику Ионы на киевской митрополичьей кафедре, Исидору: «есмо отдали г(осподи)ну отцоу своему Сидору [...] села вся ц(е)рк(о)вьная, и земли, и съ всѣми *доходы*»; «а так же воеводы [...] не вѣступали бы ся оу ц(е)рк(о)вныя земли и воды, и в люди въ вси *доходы*, и въ вси пошлыны, и ни въ что»; «съ всѣми *доходы* [...] и съ всѣми пошлынами» (Щапов, 180). Слово *доходъ* часто встречается в памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским и характеризует дипломатические заявления польско-литовской стороны: «нашимъ предкомъ и намъ дани шли и *доходы* съ тѣхъ волостей и наши многи пошлыны [...] а нынѣ намъ отъ колка лѣтъ даней и *доходовъ* нѣтъ съ тыхъ нашихъ волостей» (ПДП I, № 4, 1488 г., с. 15); «абы наши данники тьи дани и *доходы* исполняли намъ по давному» (ПДП I, № 12, 1490, с. 48).

Закрепление слова *доходъ* в великорусском деловом языке относится к последнему десятилетию XV в., ср., например, в докончании рязанского великого князя Ивана Васильевича с князем Федором Васильевичем 1496 г.: «и Мещерские волости с оброки и з *доходы* по старинѣ» (ДДГ № 84, с. 339); многочисленные случаи употребления слова *доходъ* фиксируются в Новгородских писцовых книгах 1495—1501 гг.: «и всего *дохода* деньгами пол-шеста рубля ноугородцкая»; «и принимает к старому *доходу* денгами три рубли»; «а мелкого *дохода* тринадцать боранов» и т. д. (Кочин 1935, 107; ср. Кочин 1937, 103). К середине XVI в. слово *доходъ* становится повсеместным в великорусских документах, ср.: «а жити Третьяку в той моей вотчине и пашня пахати и *доход* всякой со крестьян имати» (АФЗХ II, № 194, 1546—1547 гг., с. 195); «пожаловал есми теми селы и деревнями [...] со всеми угоды [...] из *доходом* з денежным и с хлебным» (АФЗХ II, № 255, 1555 г., с. 260). Повсеместность данного слова в жалованных, закладных и прочих грамотах XVI в. не оставляет сомнения в том, что к этому времени оно было усвоено и разговорным языком. Уже в первой половине XVI в. слово могло употребляться и в церковнославянском языке, ср., например, в речи митрополита Даниила, произнесенной на соборе 1531 г. против нестяжательских взглядов Максима Грека: «Да ты же, Максим, святыя божия соборныя апостольския церкви: и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжания, и люди, и *доходы*, и села имеют» (цит. по: Клосс, 97). Отметим, что слово *доход* в русских говорах представлено только в конкретном пространственном значении 'окончание, приближение к концу'; известны лишь единичные записи производных от *доход* 'прибыль': *доходна* 'прибыль, доход' (Московская губ., 1908 г.) и *доходный* 'являющийся прибылью, составляющий чей-либо доход' («Доходных денег у дьякона в месяц рублей 60», Владимирская губ., 1912 г.; СРНГ VIII, 160—161).

Возвращаясь к вопросу о происхождении русск. *доход*, можно констатировать, что приведенный материал довольно убедительно свидетельствует о том, что в великорусском оно является заимствованием из западнорусского. Правда, в русском языке второй половины XVII в. отмечаются отдельные случаи употребления глагола *доходити* в значении 'поступать в качестве дохода' (ДРС IV, 346), которое могло бы мотивировать существительное *доходъ* 'прибыль', однако, принимая во внимание путь распространения слова *доходъ* из западнорусского в великорусский, а также факт, что континуанты прасл. *dochoditi в подобном значении не засвидетельствованы ни в одном другом славянском языке (ср. ЭССЯ, СПрасл, ук. м.), несостоятельность этимологии, согласно которой *доходъ* на великорусской почве мотивировано глаголом *доходити*, становится очевидной. Следу-

ет принять, что, наоборот, позднее и редкое русск. *доходити* в указанном значении мотивировано прочно вошедшим в лексическую систему русского языка уже в XVI в. существительным *доходъ*.

Существительное *доходъ* не мотивировано глаголом *доходити* также в западнорусском. В староукраинских памятниках XIV—XV вв. глагол *доходити* засвидетельствован всего лишь два раза и в обоих случаях в конкретном пространственном значении (ССУМ I, 322—323). В связи с этим можно предположить что зап.-русс. *доходъ* было заимствовано в готовом виде из древнепольского, в котором, правда, *dochod* засвидетельствовано несколько позднее (1428 г., ССтп II, 106), чем в староукраинском, но имея в виду исключительное господство латыни в польской деловой письменности в средневековье, это обстоятельство не может исключать возможность существования слова *dochod* в древнепольском намного ранее его фиксации в памятниках. Отметим, что в научной литературе известно показательное количество несомненных полонизмов, зафиксированных в западнорусских памятниках раньше, чем в памятниках самого польского языка (см. Гумецкая 1969, 219—228, 1971, 113—118; Золтан 1978, 215—216). Поскольку, однако, глагол **dochoditi* в древнепольском также не засвидетельствован в значениях, к которым можно было бы возвести исключительно экономическое значение существительного *dochod* (ср. ССтп II, 105—106), нам кажется вполне вероятным, что данное слово и древнепольским языком было заимствовано в готовом виде из древнечешского, в котором *dochod* засвидетельствовано в первичном своем значении 'результат', мотивированном древнечешским значением глагола *dochoditi / docházěti* — 'достигать' (см. Гебауэр I, 282—283), которое в древнепольский могло перейти в более узком, специально экономическом значении как 'результат экономической деятельности, польза от нее, доход'. Таким образом, современное общеславянское распространение данного слова обусловлено не его праславянской древностью, а позднейшей его миграцией, «цепной передачей» (по выражению А. Шенкера 257) из одного славянского языка в другой.

Отметим, что западнорусизмом в великорусском следует считать не только *доход*, но также *приход* в значении 'прибыль', которое в великорусском деловом языке появилось, по-видимому, позже (в словаре И. И. Срезневского в данном значении еще не отмечается, см. Срезн. II, 1488—1489), а в XVII в. употреблялось не только как антоним слова *расход*, но как полноценный синоним слова *доход*, ср. у Котошихина, у которого *доход* засвидетельствовано 37 раз, а *приход* (в синонимическом значении) — 26 раз (Пеннингтон 1980, 473, 644). В материалах КДРС слово *приходъ* в данном значении засвидетельствовано впервые в соборной грамоте литовских епископов о поставлении Григория Цамблака 1415 г., в которой митрополит Фотий обвиняется в том, что он «ниже бо хотяше сѣдѣти у церкви [...], но точию приходы церковныя сбирая и живяше индѣ, и старая устроеша и честь киевскоѣ церкви на ино мѣсто полагаше» (РИБ VI, № 38, с. 310—311). В церковнославянских памятниках, а реже также в великорусских грамотах в значении 'прибыль, доход' на протяжении XI—XVII вв. употреблялось слово *прибытокъ* (КДРС), заимствованное, по-видимому, из ст.-сл. **прибытъкъ** 'то же' (С.—А., 103). В указанной соборной грамоте наряду с *приходъ* употреблено и *прибытокъ*: «И царь Моноиль не восхотѣ послушати прошения его [Витовта. — А. 3.] праведнаго, своихъ дѣля прибытокъ неправедныхъ» (РИБ VI, № 38, с. 311). Поскольку в украинских грамотах XIV—XV вв. *прибытокъ* вообще не засвидетельствовано (ср. ССУМ), несомненно, что в этом церковнославянском

тексте *прибытокъ* является традиционным элементом книжного языка, а *приходъ* — отражением западнорусского разговорного субстрата (ср. аналогичное явление употребления титулов *господарь* и *господинъ* по отношению к Витовту в этом же тексте, см. Золтан 1983, 91). Как было отмечено выше, *приходъ* в данном значении в западнорусском засвидетельствовано уже в памятниках XIV—XV вв. (ССУМ II, 249); зап.-русс. *приходъ* имеет точную аналогию в др.-польск. *przychód* ‘доход’ (ССтп VII, 240—241).

Наличие западнорусских элементов в указанных грамотах митрополита Ионы о назначении митрополичьих наместников для западнорусской церкви было бы проще всего объяснить тем, что их составление было поручено кому-то из местного западнорусского духовенства во время пребывания Ионы в Литве; в пользу такого объяснения говорит и место написания грамоты: «Данъ листь сій въ Новгородку», т. е. в Новгородке Литовском (совр. Новогрудок в Белоруссии). Такое объяснение, однако, представляется не единственно возможным и даже не самым вероятным. Как было указано выше, западнорусизмы встречаются уже и в тех грамотах Ионы, которые написаны до 1451 г. Анализ других грамот митрополита Ионы приводит нас к выводу о том, что такая грамота могла быть составлена и в митрополичьей канцелярии в Москве, так как западнорусская лексика обильно представлена и в тех грамотах, которые датированы в Москве.

Так, в послании смоленскому епископу Мисаилу 1454 г. митрополит Иона пишет: «Вѣдаете, сыну, и прежде, что ся състало отъ князя Ивана Андреевича надъ нашимъ сыномъ, а надъ его братомъ старѣшимъ, а не рку, надъ братомъ, но надъ его *Осподаремъ* надъ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ, какая *шкота* [...], а сыну нашему Великому Князю, у нужи, по слѣду Князя Ивана *достати*, да въ обиду ему себе не мощно *поддати* [...]. А сыну нашему *пану* Михаилу *канцелерю* говорилъ бы еси, чтобы христіанства дѣля, также о томъ поберегль» (АИ I, № 56, с. 104).

Слово *шкота* / *шкота* / *шкота* ‘убыток, вред’ было широко распространенным в западнорусском деловом языке XV в. (ССУМ II, 559—560; Булько, 364; ср. Ильенко 7); оно восходит через польск. *szkoda* к др.-в.-нем. *scado* (ср. нем. *Schade*) ‘то же’ (см. Тамань 1960, 123; Гардинер, 242; Кохман 1967, 145; Собик, 366). На неисконность глагола *доставати* / *достати* в значениях ‘раздобыть, приобрести; овладеть’ в великорусском впервые обратил внимание С. Кохман (1967, 106); к этой точке зрения присоединилась и А. Пеннингтон (1980, 387). Оба автора рассматривают глагол *доставати* / *достати* в данном значении как новое явление в русской лексике XVII в., возникшее под влиянием польск. *dostawać* / *dostać* ‘то же’. Необходимо в связи с этим уточнить, что данный глагол, кроме цитированной грамоты митрополита Ионы 1454 г., засвидетельствован также в московском проекте договора Ивана III с императором Максимилианом 1490 г.: «А почнешь, брате, ты *доставати* своего отчства Княжества Киевскаго [...]» (ПДС I, 39; московский текст этого договора отличается, впрочем, явными западнорусизмами, ср. дальше: «а будетъ нам *валка* съ Казимиромъ съ Королемъ [...]»; другие ранние примеры из подобного рода памятников см. ДРС IV, 333—334); кроме того, известны единичные случаи употребления глагола *доставати* в указанном значении также в московских грамотах середины XV в., ср. «*доставая* Великого Княженья» (АИ I, № 40, 1447 г., с. 81), «*доставати* своеѣ ѡтчины и дѣдины» (ДДГ № 62, 1461—1462 гг., с. 200), так что широкое распространение данного глагола можно отнести к XVII в., но в московском канцелярском языке он был известен

уже в XV в., и это обстоятельство свидетельствует о том, что новое значение русск. *доставати* / *достати* появилось не под непосредственным польским воздействием в XVII в., но уже раньше и, по-видимому, через посредство западнорусского языка.

Глагол *поддати*, *поддатися* и производные — *подданный*, *поддание* — рассматриваются исследователями единогласно как заимствования из польск. *poddać*, *poddać się*, *poddany*, *poddanie*, которые, в свою очередь, калькируют соответствующие латинские слова (ср. лат. *subditus* 'подданный', см. Фасмер III, 296; Кохман 1967, 130; Собик 1969, 299—300).

По КДРС первая фиксация глагола *поддати* относится к посланию Василия II константинопольскому патриарху 1441 г.: «[Исидор] къ сему же *подда* и поработи насъ подъ отлученную многих ради ересей святыми и богоносными Отци Римскую церковь и Римскаго папу» (АИ I, № 39, с. 74; такая же грамота, но адресованная византийскому императору включена также в Софийскую 2-ю летопись под 1438 г., см. ПСРА VI, 165). Судя по церковнославянскому языку этой грамоты, она была написана в митрополичьей канцелярии. Как известно, грамота эта не была послана, так как «прииде вѣсть, яко царь отъиде въ Римъ на царство и ста въ Латыньскую вѣру; и [князь великий] пославъ пословъ възвратити воспать» (ПСРА VI, 167); в 1460—1461 гг. она (или копия с нее) находилась, по-видимому, в митрополичьей канцелярии, так как Иона несомненно воспользовался ею при составлении своей грамоты 1460—61 гг. тому же смоленскому епископу Мисаилу, ср. текстуальное совпадение этой грамоты с грамотой Василия II 1441 г.: «Къ сему же *поддати* и поработити хотя насъ под отлученную, многих ради ересей, святыми Отци римскую церковь, подъ римского папу» (РИБ VI, № 88, с. 660). Данные ранние фиксации слова позволяют отнести его к западнорусизмам (ср. ССУМ II, 164—165) в великорусском языке.

Слово *канцлер(ь)* заимствовано не прямо из немецкого, как принято считать в этимологических словарях русского языка, которые датируют появление слова XVII в. (Фасмер II, 182; ЭСРЯ 11/8, 50), а из западнорусского (ср. ССУМ I, 470), в котором оно восходит к среднелатинскому источнику (*cancellarius*) через немецкое (*Kanzler*) и польское (*kanclerz*) посредство (см. Славский II, 44; Кохман 1967, 65; Лиминг, 62—63).

В великорусских памятниках XV—XVII вв. это слово употреблялось только по отношению к польско-литовским и западноевропейским должностным лицам; в России должность канцлера была введена Петром I в 1709 г. (Сергеев 1971, 177—180, ср. также ДРС VII, 60—61).

В 1458 г. Иона назначает своим западнорусским наместником полоцкого архимандрита Каллиста. В соответствующей грамоте он обращается к Каллисту как к «нареченному въ настоятельство того священного *столица*», т. е. киевской митрополичьей кафедры. В данном значении ('трон, престол; архиерейская кафедра') в древнерусском, как и в старославянском, употреблялось слово *столь* (Срезн. III, 517; С.—А., 124); в западнорусском языке XV в. распространилась форма *столецъ* (ССУМ II, 388—389) под влиянием др.-польск. *stolec* 'трон; столица' (Булыко, 308), которое в польском языке лишь в XVI в. было заменено богемизмом *stolica*, заимствованным позже (в начале XVII в.) из польского также в русский язык (Кохман 1970, 73—75; 1975, 129—130). В великорусских памятниках *стольць* > *столецъ* засвидетельствовано в разных значениях, но в значении 'трон; кафедра' только позже и в контекстах, относящихся явно к Западной Руси

(Срезн. III, 519—520; Кохман 1970, 73; 1975, 129, ср. также КДРС). Слово *столец* засвидетельствовано, впрочем, также в настольной грамоте Казимира IV митрополиту Ионе 1451 г.: «и дали есмо ему *столецъ* митрополичь Кіевський и всея Руси» (РИБ VI, № 67, с. 564—565).

Западнорусизмы встречаются и в грамотах Ионы, адресованных в великорусские области, как, например, в послании верейскому князю Михаилу Андреевичу ок. 1451 г.: «А вѣдомо тобѣ, моему сыну, и се что князь великій былъ Витовтъ, также и нынѣ король, велиіе *господареве*, будучи и не нашаея вѣры, также и *княжата* и *панове* тое вѣры [...] какою великую честь держать» (РИБ VI, № 70, с. 574; ср. АСЭИ III, № 9, с. 25). Здесь употребление лексических западнорусизмов обусловлено контекстом: верейскому князю ставится в пример отношение католических литовских князей и магнатов к православной церкви в Литве.

На западнорусское происхождение писца этой грамоты, известной по московскому списку ок. 1535 г., указывает наличие в тексте форм сложного будущего времени, образованных при помощи глагола *буду* + инфинитив: «а не вборониш(ь) мене ты, мой с(ы)нъ, и ты поберегиса възданиа wt б(о)га, язъ б8д8 са wt них *боронити* законом б(о)жымъ что ни боуд8т именоватис(ь) християне» (АСЭИ III, № 9, с. 25). Употребление этой конструкции как во время составления цитированной грамоты, так и во время возникновения сохранившегося списка можно объяснить только западнорусским влиянием, так как сложное будущее с *буду* + инфинитив выступает в западнорусских грамотах XIV—XV вв. уже как обычная грамматическая форма (ср. Станг, 49; Укр. морф. 328), между тем в великорусском оно было чуждым письменному языку еще в середине XVII в. (Котков, 265—266; ср. Кржижкова; Пеннингтон 1968; Г.—Х., 323—325). Характерно, что Котошихин в своем большом произведении «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666—1667 гг.) употребляет эту конструкцию всего лишь один раз, да и то влагая ее в уста иностранных послов, между тем как в своем коротком письме шведскому сенату 1666 г., изобилующем и лексическими полонизмами, он употребляет ее три раза (Пеннингтон 1980, 281).

Есть и случаи, когда западнорусизмы употребляются вне западнорусского контекста. В послании в Новгород, датированном условно 1448—1458 гг., засвидетельствован явный западнорусизм *збродень*: «еще же и наимовати на то на злое и богоненавистное дѣло [...] *збродней*, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ чельовкъ» (РИБ VI, № 65, с. 549). Слово это приводится И. И. Срезневским в реконструированной форме *сзбродньн* и толкуется как 'сброд' (Срезн. III, 653); ср., однако, зап.-русск. *збродень* 'преступник', заимствованное из др.-польск. *zbrodzien* 'то же' (см. Булыко, 118; ср. Брюкнер, 648; Варш. сл., VIII, 392; Речек, 636).

По КДРС (s. v. *сбродень*) это слово засвидетельствовано еще в грамоте Пскова Риге 1463—1465 гг.: «не давайте воли такимъ *зброднямъ* над нашими купщинамы» (ГВНП № 336, с. 323) и в Рогожском летописце (сп. XV в.) под 1354 г.: «Князь Олегъ [...] съ своими Рязанци съ потаковники ему *сбродни*, много зла христیانомъ сътвориша» (ПСРА XV/1, 63). Слово это не получило распространения в великорусском, и, по-видимому, оно не связано прямо со словом *сброд*, которое в КДРС отмечается только с XVII в.

Возможно, что к западнорусизмам следует отнести и наречие *зався*, *завсе* 'всегда', которое засвидетельствовано в грамотах Ионы, адресованных как в велико-

русские области, так и в Литву, как, например, в послании в Вятку (ок. 1452 г.): «*зався* своему господарю, великому князю, грубите и приставаете к его недругу» (РИБ VI, № 73, с. 591; ср. также в послании 1459 г. в Литву: «желая *завсе* [и] прося у Бога, еже ми быта у вась», РИБ VI, № 85, с. 633). Под влиянием митрополичьей канцелярии могло попасть это слово и в церковнославянскую грамоту Василия II византийскому императору Константину Палеологу 1451—1452 гг.: «*Завсе* [так в издании. — А. З.] того жалахомъ и проискывахомъ, еже како бы послати намъ къ Царьскому граду пословъ своихъ» (РИБ VI, № 71, с. 582 — КДРС). Правда, *завсе* /*завсе*/ *завсѣ* 'всегда' широко распространено и в северновеликорусских говорах (СРНГ IX, 342), однако следует учитывать, что на протяжении XV—XVI вв. наречие *завсе* употреблялось главным образом в языке московской дипломатии, ср., например, в наказе московским боярам, проводившим в 1495 г. Елену Ивановну в Литву: «да молвити о томъ, какъ пригоже, чтобы паніи не *завсе* сидѣли у княжны въ тапканѣ» (ПДП I, № 31, с. 167). Большинство фиксаций слова *завсе* в КДРС относится также к памятникам дипломатических сношений XV—XVI вв., великорусское диалектное *завсе* отражается, по-видимому, только в единственном примере конца XV в., вошедшем в ДРС, — в великорусской грамоте ок. 1492 г., в которой цитируется свидетельство местного жителя: «А Есип, г(о)с(поди)не, самъ *завсе* въ дворѣ жилъ у кн(я)зя Андрѣя Дмитреевича» (АСЭИ II, 244, ДРС V, 160). Нам кажется, что в памятниках церковной дипломатии около середины XV в. наречие *завсе* могло употребляться скорее под влиянием западнорусского делового языка, чем великорусской диалектной речи. Во всяком случае в Московской Руси XVI в. наречие *завсе* воспринималось как слово специфически некнижное; об этом свидетельствует сознательное устранение этого слова при включении рассказа Никоновской летописи (1526—1530 гг.) о новгородских событиях 1471 г. в Степенную книгу (1560-х гг.). Ср. параллельные места:

Никоновская летопись:	Степенная книга:
Тъмъ же измѣнници начаша наймовати худыхъ мужыковъ въчниковъ, иже на то <i>завсе</i> готови суть по ихъ обычаю, и, приходяще на вѣче ихъ, звоняху <i>завсе</i> въ колоколы и, кричаше, глаголаху: «за короля хотимъ» (ПСРА XII, 126).	Враждотворнии же измѣнници наимствоваху худѣшихъ чловѣкъ, иже суть готови на всякое неистовство; и ти, приходяще на вече и <i>не престающе</i> , въ колоколы звоняху и кричаше, глаголаху: «Краля хоцемъ, да владѣть нами!» (ПСРА XXI, 530—531).

Переработка имела целью окнижить текст (см. Успенский, 293—294). — зап.-русск. *завсе* 'всегда' (ССУМ I, 372) образовано по аналогии польск. *zawsze* 'то же' (Карский, 247).

Если употребление западнорусской лексики в грамотах, адресованных в Западную Русь объяснимо участием в их составлении выходцев из Западной Руси, хорошо знающих западнорусскую социально-экономическую терминологию, которые обличают себя иногда и употреблением нетерминологической западнорусской лексики (вроде *посполно* 'совместно'), а также некоторых западнорусских грамматических форм (*есмо* вм. цсл. *есмы* или ст.-русск. *есмя*) и конструкций (*до* + род. п. вм. *к* + дат. п. при глаголах *послатъ*, *прійти*), то приведенные примеры из митрополичьих грамот, адресованных в великорусские области, свидетельствуют о том, что деятельность «западнорусского отделения» канцелярии митро-

полита Ионы не ограничивалась составлением документов, связанных с делами западнорусской церкви, но оно принимало участие и в составлении некоторых посланий великорусским адресатам.

В «западнорусском отделении» канцелярии митрополита Ионы были, несомненно, составлены и две грамоты ок. 1455—1456 гг., адресованные в Казань: «ДостойнѸю честь великому ти *господарьству* симъ нашим писаниемъ послали *есмо*, слыша, что же вышнѧ(о) б(о)га силою держишь свое *господарьство*, всимъ кѸпцемъ нашимъ и иныхъ земель кѸпцемъ *щкоты* и убытковъ нѣтъ никоторыхъ ни wt кого [...]. И на то надѣямс(ь) послали *есмо до Казани* сего своего слѸгоу Агафона» (АСЭИ III, № 10, с. 26); «Послалъ *есмо до Казани* сего своего слѸгоу Агафона [...] w цемъ бѸдет томѸ нашемѸ ч(е)л(ове)ку надобѣ [...] *до волнаго ц(а)рѧ достѸити*, и ты бы [...] печаловалсѧ [...] чтобы тот нашъ ч(е)л(ове)къ и до насъ приѣхал *добровольно* и безъоубыточно» (АСЭИ III, № 11, с. 27). В этих небольших текстах, сохранившихся, как и другие грамоты митрополита Ионы, в московских списках 1-й половины XVI в., обращает на себя внимание прежде всего большая концентрация лексических и грамматических западнорусизмов, что позволяет предположить, что оригиналы этих грамот были написаны вообще на западнорусском языке, т. е. мы имеем дело не с западнорусскими вкраплениями в великорусских текстах, а с западнорусскими текстами, сохранившимися в великорусских списках.

Из лексических западнорусизмов, кроме отмеченных в связи с предыдущими грамотами, укажем еще на глагол *доступити*, который в таком же значении ('получить доступ') появляется позже у Ивана Пересветова (см. Тамань 1960, 99—101), связанного своим происхождением с Западной Русью. Зап.-русск. *доступити* (ср. укр. *доступити* 'приступить, подойти' — Гринченко I, 432; СУМ II, 390; в староукраинском актовом материале засвидетельствована только форма несов. вида *доступоватися* — ССУМ I, 321; ср. польск. *dostępować*; несмотря на слабую засвидетельствованность глагола *доступити* в украинских грамотах, его известность в западнорусском не подлежит сомнению ввиду его фиксации в Ипатьевской летописи в составе Киевского летописного свода, см. ДРС IV, 341), калькирует польск. *dostać*; кроме засвидетельствованного в данной грамоте значения этот глагол встречается в великорусских памятниках XVI—XVII вв. также в военном значении 'атаковать' (Срезн. I, 717; Кохман 1967, 63, 106).

К западнорусизмам следует отнести, по-видимому, и наречие *добровольно* 'беспрепятственно, свободно'. В этимологических словарях русского языка слова *добровольно*, *добровольный* не приводятся. Их этимология на самом деле очевидна, однако их история в великорусских памятниках указывает на то, что они возникли не на великорусской почве, а были заимствованы в готовом виде из западнорусского. Характерно при этом, что наречие *добровольно* появляется в великорусских памятниках раньше, чем прилагательное *добровольный* (не считая приведенную И. И. Срезневским фиксацию прилагательного *добровольный* из сочинений Иоанна, экзарха болгарского, по списку XII в. в другом значении — 'достойный', которое явно сюда не относится, ср. Срезн. I, 675). По КДРС первая известная фиксация наречия *добровольно* относится к жалованной грамоте верейского и белозерского князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю, датированной 1435—1447 гг. и дошедшей до нас в списке XVI в.: «А торгуютъ и в озере у неводов *добровольно* сущом и рыбою» (АСЭИ II, № 77, с. 48). Из грамот, сохранившихся в подлиннике, *добровольно* появляется почти одновре-

менно в Новгороде и Москве, ср. в новгородско-ливонском договоре 1448 г.: «А приѣхати имъ на тои съѣздъ и розѣхатися *добровольно*, безо всякой пакости, по сему крестному челованью» (ГВНП, № 72, с. 118) и в договоре великого князя Василия Васильевича с суздальским князем Иваном Васильевичем, датированном концом 1448 — первой половиной 1449 г. Этот документ был составлен после поставления Ионы в митрополиты и по его «благословению»; как было отмечено (Штекль 115; Золтан 1983, 94), это первая известная договорная грамота, в которой московский великий князь называет себя «господарем» (а не «братом старейшим», как это было принято в более ранних княжеских договорах) по отношению к одному из удельных князей. В этой грамоте читается статья, согласно которой «А бояром, и дѣтем боярьским, и слугам *добровольно* меж нас волным вола» (ДДГ № 52, с. 157, 159). В более ранних московских договорных грамотах статья подобного содержания сформулирована без слова *добровольно*: «А бояром и слугам меж нас волным вола» (ДДГ, № 27, 1433 г., с. 71; ср. также № 31, 1434 г., с. 81; № 32, 1434 г., с. 83; № 33, 1434 г., с. 86; № 34, 1434 г., с. 88; № 35, 1436 г., с. 91, 94, 97, 99; № 36, ок. 1439 г., с. 102, 104; № 38, 1441—1442 гг., с. 109, 111, 114, 116; № 40, 1445 г., с. 120; № 41, 1445 г., с. 122; № 43, ок. 1445 г., с. 124; № 43, ок. 1445 г., с. 126; № 44, 1447 г., с. 128; № 45, ок. 1447 г., с. 131, 134, 137, 140; № 47, 1447 г., с. 145; № 48, 1447 г., с. 148); многочисленные фиксации данной статьи свидетельствуют о том, что она переходила автоматически из текста одного договора в другой без изменений; в грамоте 1448—1449 гг. в эту статью вдруг вставлено слово *добровольно* неорганически. Слово *добровольно* выступает в этой грамоте еще раз, в статье о торговле: «А гостем нашим всего нашего великог(о) кн(а)ж(е)нья гостити и торговати в твои вотчинѣ, в твоей державѣ, *добровольно*, без зацѣпок и без пакости» (ДДГ, № 52, с. 157, 159); поскольку наречие *добровольно* выступает здесь рядом с другим несомненным западнорусизмом *зацѣпка* (о нем см. ниже), мы должны предположить, что данная грамота была составлена не только «по благословению» митрополита Ионы, но и при активном участии его канцелярии (на участие митрополичьей канцелярии указывает, на наш взгляд, и то, что Иона — сразу после поставления на митрополичий престол — назван в тексте «святым»: «А w чем с[а] [судь]и сопрут, ино им третей влещь наш, с(ва+)ты Івна, митрополит всеа Рус(и) там же); ср. статью подобного содержания в тверско-литовском договоре 1427 г. (тверская грамота): «А людемъ нашимъ, гостемъ, гостити меж насъ путь ч(и)сть, без рубежа и без пакости» (ДДГ, № 23, с. 63). Следующая фиксация наречия *добровольно* относится к докончанию Василия II с Казимиром IV 1449 г. (сохранилась московская грамота в западнорусском списке XVI в.): «А который люди с которых местъ вышли *добровольно*, ино тым людем волнымъ вола, где хотѣть, тутъ живѣть. А которые люди выведены втколе невольно [...], ино ихъ втпустити *добровольно* зъ их статьи къ ихъ местомъ» (ДДГ, № 53, с. 162); во втором случае наряду со словом *добровольно* выступает другой западнорусизм — *статки* (см. ниже). Наличие западнорусизмов в несколько более ранней и сохранившейся в подлиннике московско-суздальской договорной грамоте не может свидетельствовать о том, что эти западнорусизмы попали в текст московской грамоты при ее переписывании в Литве; они должны были быть уже в московском оригинале. Если примем во внимание участие митрополита Ионы в дипломатической подготовке этого договора, что подтверждается историческими сведениями, то становится вполне вероятным, что его канцелярия участвовала в составлении и этой великокняже-

ской грамоты. Все известные историческим словарям русского языка фиксации наречия *добовольно*, а также прилагательного *добровольный* относятся к более позднему времени (ДРС IV, 259; Срезн. I, 674—675), между тем как в западно-русских грамотах данное слово богато засвидетельствовано уже начиная с 1366 г. как в значении ‘беспрепятственно, свободно’, так и в значении, сохранившемся доньше в русском языке, — ‘без принуждения, по собственной воле’ (ССУМ I, 306; в первом значении см. также в полоцкой грамоте 1407 г.: «штобы полочаном *добровольно* ехат(и) к Ризѣ, такъже рижаном к Полоцку без всакоа завады, ни одног(о) не выемши, *добровольно* ему купит(и) и продат(и)» — Полоцк, гр. I, № 38, с. 109). На неисконность наречия *добровольно* в великорусском указывает и то обстоятельство, что оно появляется в памятниках раньше, чем мотивирующее его прилагательное; можно допустить, что, наоборот, употребление прилагательного *добровольный* в сочетании *добровольные люди* в псковских летописях при описании событий 60—70-х гг. XV в. (ДРС, ук. м.) мотивировано именно наречием *добровольно* в значении ‘свободно’. Наречие *добровольно* ‘по собственной воле’ засвидетельствовано в Геннадиевской Библии 1499 г., в составе переведенной с латинской Вульгаты Книги Ездры (I, 4): «что *добровольно* принесѣт ѿрки бжїи» (ср. лат. «quod *voluntarie* offerunt templo Dei» — КДРС).

Следует отметить, что как наречие *добровольно*, так и прилагательное *добровольный* засвидетельствованы в русских народных говорах весьма слабо: в СРНГ (VIII, 77) *добровольно* представлено всего лишь одной записью в значении ‘постепенно, само по себе’ (Курская губ., 1915 г.), а *добровольный* — двумя записями (*добровольная собака* — Якутия, 1901 г., и *добровольный рой*, без указания места, 1856 г.). В значении ‘добровольно, по доброй воле’ фиксируется еще наречие *доброволь* (Якутия, 1901 г. и Костромская обл., 1945 г.); существительные *доброволец*, *доброволка* ‘беглый крестьянин’, ‘беглая крестьянка’ засвидетельствованы только в смоленских говорах (1914 г.). Все это подтверждает неисконность слов *добровольно*, *добровольный* в великорусском. Зап.-русск. *добровольный*, *добровольно* / *добровольнѣ* заимствованы, очевидно, из др.-польск. *dobrowolny*, *dobrowolnie* (ССтп II, 78—80), где наречие *dobrowolnie* также имеет значение ‘свободно, беспрепятственно’ и ‘по собственной воле, без принуждения’, ср. также др.-чешск. *dobrowolnŭ* ‘добровольный’ и *dobrowolně* ‘добровольно’ (с XIV в., Гебауэр I, 275); нам кажется, что значение ‘по собственной воле’ возникло в западнославянских языках под влиянием нем. *gutwillig* ‘то же’, так как сочетанием **dobra vol’a* непосредственно мотивировано лишь значение типа ‘благосклонный, доброжелательный’, также засвидетельствованное в древнепольском (ССтп II, 81), хотя в данном случае можно считать и с влиянием лат. *benevolus*. Во всяком случае история слов *добровольно*, *добровольный* на восточнославянской территории свидетельствует об их миграционном характере, поэтому, на наш взгляд, возникновение сложного прилагательного **dobrowolnŭ*, а также наречия **dobrowolno* / *debrowolně* нельзя отнести к праславянскому лексическому фонду, как это принимается на основе их общеславянского распространения в этимологических словарях праславянского языка (ЭССЯ IV, 45; СПрасл IV, 308—309).

В связи с указанными грамотами митрополита Ионы, адресованными в Казань, необходимо отметить, что имеется одно летописное известие, текст которого также свидетельствует о том, что около середины XV в. западнорусский язык мог использоваться и в великорусско-татарских сношениях. Ср. летописное известие 1447 г.: «Татарове же рекоша: “а мы пришли ис Черкас [...], слышали бо

про великого князя, что братия над ним *израду* учинили и они пошли искати великого князя за преднее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его *до нас* было» (ПСРЛ XXV, 268; ср. также ПСРЛ VIII, 120, ДРС VI, 201). О западнорусском источнике этого известия свидетельствуют конструкция *до нас* (в значении 'к нам') и слово *израда* 'измена, предательство', заимствованное из зап.-русск. *zrada*, *izrada* 'то же' (Ильенко, 12, ср. ССУМ I, 408), которое восходит к польск. *zdrada* (Гамань 1960, 114—115, Булыко 120), калькирующему ср.-в.-н. *verrât* (Брюкнер 650, Фасмер II, 105, 123; ЕСУМ II, 279).

Если слова западнорусского происхождения, отмеченные в грамотах митрополита Ионы 1448—1458 гг., относятся преимущественно к светской сфере, то в его грамотах после 1458 г. засвидетельствовано большое число западнорусизмов, употребление которых обусловлено острой антиуниатской полемикой, вызванной тем, что в 1458 г. Казимир IV, как написал позже Иван III, «чрезъ свой листь» (РИБ VI, № 100, 1465—1470 гг., с. 709) принял в качестве киевского митрополита «Исидорова ученика» Григория, поставленного римским папой и константинопольским патриархом-униатом Григорием Маммой (см. Прохаска, 59—64; Голубинский, II/1, 414—531; Грушевский V/2, 385—422; Ходыницкий, 50—63; Ганник), и, таким образом, «сотворишася два митрополита въ Руси, единъ на Москвѣ, а второй въ Кіевѣ» (ПСРЛ VI, 169). С этим событием связана оживленная корреспонденция Ионы с западнорусскими епископами и православными магнатами, в которой, с одной стороны, оживает западнорусская лексика, известная в Москве уже со времен Флорентийского собора (см. Золтан 1985), а с другой — появляются также некоторые новые заимствования из западнорусского.

К новым заимствованиям, не встреченным в произведениях о Флорентийском соборе, относится слово *отщепенец* 'схизматик'. В 1459 г. восточнорусские епископы пишут западнорусским: «Григорей не истинный митрополит, но ложный, носить съ собою *листы* папины [...], а въ тѣхъ *листвѣхъ* пишеть на осподина нашего Иону, митрополита кievьскаго и всея Руси, а именуеть его *отщепенцемъ* и отступникомъ» (РИБ VI, № 84, с. 633); в послании, датированном концом 1460 или началом 1461 г. сам Иона цитирует это обвинение: «Нынѣ пакъ, слышимъ, пришельтуто къ вамъ въ литовское *господарство* отъ римския церкви ученикъ и единомысленикъ того отступника, Исидоровъ, Григоріе (а именуеть себе митрополитомъ кievьскимъ и всея Руси) съ *папѣжскими листы*, да и съ первоначалника отступника съ патриаршими Григорьевыми грамотами и съ Сидоровыми; и пишеться Сидоръ въ нихъ легатосомъ, *кгардиналомъ*, а мене пишуть *отщепенцемъ*, а сами будучи зліи отступници отъ православія» (РИБ VI, № 88, с. 668; ср. последнюю фразу — по другому списку: «и пишеться Сидоръ въ нихъ легатосомъ, *кгардиналомъ*, а мене пишуть *отщепенцемъ*, рекше отступникомъ», АИ I, № 273, с. 505). Сохранение написания *кгардинал* в обоих московских списках 1-й половины XVI в. указывает на то, что в данном послании цитируется западнорусский текст «папиных листов», т. е. на то, что соответствующие папские грамоты стали известными в Москве в западнорусском переводе. Один из переводов этих грамот на западнорусский язык (грамоты папы Пия II польскому королю и великому князю литовскому Казимиру IV) сохранился в составе Софийской II летописи (список XVI в.); в западнорусском тексте Иона на самом деле назван «отщепенцем»: «А которыи подъ панствомъ твоего княженія и твоей опеки живутъ, отъ Московскихъ и отъ сторонъ высшій которыи стороны черезъ *отщепенца* и противника и тежъ злочестиваго сына Иону черныца, который же учинился ар-

хіепископомъ Рускимъ, и отсѣлъ его, и отнялъ и отвернулъ и отдѣлилъ тую Кіевскую церковь [...]; «а не припустилъ бы того Іоны *отщепенца*, алюбю которого иного на мѣсто его во архіепископство взяти» (ПСРЛ VI, 168); перевод был сделан, по-видимому, с латыни в Западной Руси, ср. латинский текст: «et que sub tuo temporalі dominio existerent, a Moschouіensi et Russie Superioris partibus, que per *scismaticum* et rebellem ac iniquitatis filium Ionam monachum se pro archiepiscopo Russie totius gerentem eandemque Chieuiensem ecclesiam[...]»; «non permittas eundem Iohannem [sic!] *scismaticum* vel alium loco sui in illis partibus in archiepiscopum recipi» (Прохаска, 69; ср. Ганник, 70). Зап.-русск. *отщепенец* восходит к др.-польск. *odszczepieniec* (ССтп V, 504), которое калькирует лат. (из греч.) *schismaticus* (см. Виноградов, 7—12; Булахов, 47—48; ср. также Кохман 1975, 15). В связи с этим необходимо указать, что папские грамоты о Флорентийской унии, а также грамота Исидора о том же, сформулированные параллельно на латинском и греческом языках, были переведены в Московской Руси на церковнославянский язык (по всей видимости, с греческого текста) и так они и попали в летописи (см., например, ПСРЛ VI, 156—158; 159—160; 160—161; анализ языка русско-церковнославянского варианта грамоты Флорентийского собора см.: Кайперт), между тем как западнорусский перевод указанной грамоты с латинского языка был выполнен со всей очевидностью при посредстве польского языка (ср. хотя бы конечную фразу этого последнего: «А ты (отъ) того дѣла заслужишь себѣ отплату щастья вѣкуистого, и абы темъ мы высокость твою королевскую слушными хвалами у панѣ Бозѣ могли-бысмо вельбити» — ПСРЛ VI, 169; ср. «Tuque proinde consequaris premia felicitatis eterne ac nos eciam celsitudinem regiam condignis possimus in domino laudibus commendare» — Прохаска 69; западнорусский текст можно считать скорее морфонологической транскрипцией польского перевода, чем самостоятельным западнорусским переводом с латинского).

В западнорусском переводе стала известной Ионе и латинская грамота Григория Маммы Казимиру IV от 20 ноября 1458 г. (см. Прохаска, 71—72), Западно-руссский перевод этой грамоты не сохранился, но имеется характерная цитата из него в окружном послании митрополита Ионы западнорусским епископам, датированном 1458—1459 гг.: «[Григорий Мамма] всю свою ересь обнажилъ естъ, якоже и свидѣтельствуютъ нынѣшняя самая его писанія, еже пишеть сице: “Григорій, милостию Божіею *арцибискупъ* коньстянтиноградскій” [...]. Который господинъ нашъ преже бывшій патриархъ коньстянтиноградскій себе именовалъ “*арцибискупомъ* коньстянтиноградцкіимъ?”» (РИЕ VI, № 81, с. 622). Поскольку, как мы видели в произведениях о Флорентийском соборе, западнорусское слово *арцибискуп* как в западнорусском, так и в великорусском ассоциировалось исключительно с католическим архиепископом, употребление этого слова в нормальной, впрочем, титулатуре константинопольских патриархов показалось Ионе очевидным свидетельством того, что Григорий Мамма обратился в католичество. Если этот аргумент Иона считал серьезным моментом, а не только риторическим приемом, то это свидетельствует о том, что он читал западнорусский текст как «свой текст», не отдавая себе отчета в том (или — во втором случае — нарочно игнорируя), что употребление в нем слова *арцибискуп* вместо *архиепископ* обусловлено только тем, что переводчиком текста был человек, который мало разбирался в отличиях католической и православной церковной терминологии. Переводы латинских грамот о назначении митрополита Григория на западнорусский язык были выполнены, по всей вероятности, в литовской великокняжеской кан-

целярии, где переводчиком мог быть светский чиновник, быть может, даже католик, или, судя по тексту сохранившегося западнорусского перевода грамоты папы Пия II, можно также предположить, что был сделан сперва перевод с латинского на польский в латинском отделении литовской канцелярии, который потом был передан в русское отделение, где он был переписан западнорусским писцом.

Западнорусские переводы этих грамот были поставлены в Москву, по всей вероятности, посольством Казимира IV к Василию II, которое имело своей целью уговорить Московского великого князя признать митрополита Григория также в Москве, «зане бо Иона митрополитъ престарѣлся уже». Из сообщения Софийской 2-й летописи видно, что грамоты Ионы, в которых цитируются западнорусские переводы грамот Пия II и Григория Маммы, были написаны после приезда королевского посольства и отказа Василия Васильевича («Князю же великому слова королева не приѣмшу, а Сидорова ученика не приѣмшу же; а Иона митрополитъ посла грамоту къ своимъ епископомъ, дабы отъ него не приѣмали благословеніа» — ПСРЛ VI, 169); указание на это посольство имеется, впрочем, и в грамотах самого Ионы: «Нынѣ пакъ, сыну, приѣздили отъ короля къ великому князю посольствомъ о томъ отступницѣ о Григорьи королевьскый писарь Якубъ да Ивашенець, о томъ, чтобы его князь великий принялъ и держалъ себѣ отцемъ и богомолцемъ, митрополитомъ» (РИБ VI, № 88, 1460—1461 гг., с. 668—669). В связи с этим посольством попадает слово *писарь* (заменившее в западнорусском др.-русск. *дьякъ* уже с конца XIV в., ср. ССУМ II, 147) и в великорусские летописи: «Тоя же весны [...] пришелъ на Москву посоль отъ короля Казимира Якубъ *писарь* да Ивашенець» (ПСРЛ VIII, 153; то же: ПСРЛ XXV, 280; ср. Ильенко, 7—8). В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским конца XV в. слово *писарь* выступает только как титул польско-литовских канцелярских чиновников, между тем как московский чиновник, занимающий соответствующую должность, продолжает титуловаться древнерусским гречизмом *дьякъ* (см. Кохман II, 72—73; ср. неубедительную попытку доказать собственно великорусское происхождение слова *писарь* у Чурмаевой). Из церковнославянских памятников *писарь* впервые отмечается в Геннадиевской Библии 1499 г., в переведенной с латинской Вульгаты 1-й Книге Паралипоменон (XVIII, 16), где оно передает лат. *scriba*; характерно, что слово *писарь* здесь сопровождается на поле глоссой **книгчїи** (КДРС).

Грамоты митрополита Ионы, в которых цитируются хотя и небольшие фрагменты западнорусских текстов, интересны между прочим и тем, что в них засвидетельствованы первые случаи того беспереводного цитирования западнорусских документов в великорусских ответных письмах, которым и объясняется наличие показательного числа западнорусизмов в московских грамотах, адресованных в Польско-Литовское государство, в частности, в дипломатических посланиях Ивана Грозного (ср. Золтан 1983а). Пример отражения посольства «королевского писаря» как в грамотах Ионы, так и в летописях подтверждает существование тесной связи посольской документации с летописанием (ср. Лихачев, 345; Лурье, 175; Казакова, 100) и дает основание привлечь летописные материалы в качестве надежных источников для исследования лексики тех дипломатических актов, которые не сохранились, и пересказываются в летописных известиях, как, например, документы, связанные с женитьбой Ивана III на Софьи (Зое) Палеолог в 1472 г. (см. ниже).

Основная масса западнорусской лексики в грамотах, вышедших из канцелярии митрополита Ионы (1448—1461 гг.), зафиксирована в документах, адресованных в Западную Русь (*арцибискупъ, достигли, доходъ, канцелеръ, листъ, мѣстичъ, отщепенецъ, папезжий, писарь, поддати, польскийий, посполно, столец*), и это свидетельствует о том, что в обязанности «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии входило в первую очередь делопроизводство, связанное с западнорусской церковью как в годы совместного управления Ионы западно- и восточнорусской церковью (1451—1458 гг.), так и до этого времени (1448—1450 гг.) и после окончательного разделения двух митрополий (1458—1461 гг.). Вместе с тем небольшое число западнорусизмов засвидетельствовано и в посланиях великорусским адресатам; часть их и в этих грамотах связана с западнорусским контекстом (*княжа, панъ*), другие являются западнорусскими вкраплениями (*зався, збродень*); единственным западнорусским элементом, введенным в великорусский текст сознательно, является, на наш взгляд, элемент великокняжеского титула *отчичь и дѣдичь* (ср. Золтан 1983, 96—97); кроме того, грамоты митрополичьей канцелярии, адресованные в великорусские области, несомненно содействовали также распространению и закреплению титула *господарь*, который был заимствован несколько раньше (ср. там же, 93—94). Интересный эпизод представляет собой участие «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии в сношениях митрополита Ионы с Казанским ханством; как было отмечено выше, сохранившиеся документы, относящиеся к посольству Ионы в Казань, были написаны на западнорусском языке, в них наряду с лексическими западнорусизмами (*добровольно, доступны; господарство, шкота* — эти последние засвидетельствованы также в грамотах в Литву) отражаются и грамматические особенности западнорусского языка. В конечном итоге количество западнорусских слов, засвидетельствованных в грамотах митрополита Ионы великорусским адресатам, весьма скромно. Тем не менее самый факт существования «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии в центре Московского государства свидетельствует о непрерывности использования западнорусского делового языка в дипломатических сношениях Московской Руси, о той традиции использования западнорусского языка в качестве «*lingua franca*» в дипломатическом общении Москвы с Западом, которая отражается впоследствии в посольской документации, сохранившейся с конца XV в. Немногочисленные, но все же имеющиеся западнорусские вкрапления в грамотах великорусским адресатам, а также некоторые указанные случаи вероятного влияния митрополичьей канцелярии на великокняжескую позволяют предположить, что некоторые западнорусские по происхождению слова, получившие впоследствии широкое распространение в великорусском деловом языке, закрепились в языке государственной администрации под влиянием митрополичьей канцелярии. В некоторых случаях, при решении вопроса о реальной истории отдельных русских слов, первая или ранняя фиксация того или другого слова в грамотах митрополита Ионы зарубежным адресатам не может, разумеется, считаться доказательством его распространенности в великорусском, тем не менее может осветить ту предысторию этих слов в великорусском, знание которой столь необходимо для прослеживания межславянской миграции слов, особенно тех, которые никакими формальными признаками не обращают внимания на свое инославянское происхождение, как, например, слова типа *доход, добровольно*.

2. В связи с историей слова *добровольно* мы попытались обосновать предположение о том, что «западнорусское отделение» канцелярии митрополита Ионы могло иметь отношение к составлению двух великокняжеских грамот 1448—1449 гг., поскольку в московско-суздальском договоре (ДДГ, № 52) имеется прямое указание на участие митрополита Ионы в подготовке этого акта, а в случае литовско-русского договора (ДДГ, № 53) имеются косвенные свидетельства о посредничестве Ионы между Василием II и Казимиром IV.

В принципе, конечно, ничто не противоречит тому, что западнорусские элементы в московский текст грамоты Василия II Казимиру IV могли попасть и без участия митрополичьей канцелярии, поскольку при составлении московской грамоты могли воспользоваться и литовским проектом, из которого могли перенять формулировки, оказавшиеся в конце переговоров приемлемыми и для московской стороны. Если бы мы ничего не знали о существовании «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии в этот период, приходилось бы именно так объяснить наличие западнорусских слов в этом московском тексте. (Исходя из того обстоятельства, что эта грамота сохранилась в списке XVI в., внесенном в Литовскую Метрику западнорусским писцом, можно было бы также думать, что некоторые западнорусские слова попали в текст при переписывании. Такое объяснение представляется нам маловероятным; западнорусский писец мог ввести в переписываемый им великорусский текст свои орфографические навыки, диктуемые часто своим произношением, напр., вм. *-чи-* он пишет *-чы-*, мог изменить и некоторые флексии, но едва ли решился бы заменить одно слово другим в тексте важного государственного документа. Поэтому, на наш взгляд, есть все основания полагать, что лексические западнорусизмы, читающиеся в сохранившемся тексте, вполне могли иметься уже и в подлиннике.) Однако в таком случае трудно было бы найти удовлетворительное объяснение для наличия западнорусизмов в почти одновременном, но все-таки предшествующем этому акту московско-суздальском договоре, в оформлении которого литовская сторона никак не могла принимать участия. Поэтому нам представляется, что самым естественным звеном, соединяющим эти грамоты, является личность митрополита Ионы, который был причастен к обоим договорам, и, как показывает лексика других документов митрополичьей канцелярии, западнорусизмы в этих двух договорах вполне убедительно могут быть объяснимы участием в их составлении митрополичьей канцелярии.

В московско-суздальском договоре обращает на себя внимание употребление слова *зацепка* ‘помеха, препятствие’ (ДДГ, № 52, с. 157); это первая известная в литературе фиксация этого слова в великорусских документах (в ДРС V, 335 приводятся примеры из дипломатической переписки конца XV — начала XVI в.). В более ранних московских, а также новгородских и смоленских договорных грамотах (XIII—XV вв.) это же содержание — право на свободное передвижение послов и купцов по территории другого княжества — выражалось устойчивым словосочетанием — *путь чисть* (Сергеев 1978, 88—90). Как установлено М.-Е. Соби́к на основе более поздних материалов, слово это восходит в конечном итоге к польск. *zaczepka* ‘то же’; русск. *ц* объясняется автором или как заимствование из польской диалектной формы *zaczepka*, или как результат отождествления корневой морфемы с русск. *цепить*, *цепляться* (Соби́к, 222—223). Первое объяснение маловероятно, поскольку предполагает непосредственные великорусско-польские контакты на междиалектном уровне; в западнорусском

языке мы находим *зачетка*, ср. в тексте польско-литовского посольства в Москву в 1488 г.: «такии *зачѣпки* знакомиты починаются и землямъ нашимъ шкоды велики дѣются» (ПДП 1, № 4, с. 16). Поэтому приемлемо только второе объяснение, т. е. великорусск. *зачѣпка* нужно считать, по существу, словообразовательной калькой зап.-русск. *zaczepka*, заимствованного из польск. *zaczepka*. В некоторых случаях, как, например, в литовско-русском договоре 1494 г., великорусское выражение *путь чистъ* могло сочетаться с выражением западнорусского происхождения *без всяких зацепок*: «А посломъ нашим по н(а)шим землям на обе стороны *путь чистъ без всяких зацепокъ*» (ДДГ, № 83, с. 331, ср. Сергеев 1978, 89).

К литовско-русскому договору 1449 г. относится первая (по КДРС)¹ фиксация слова *статок* в великорусском тексте: «А которые люди выведены отколе невольно, [...] ино ихъ отпустити добровольно зъ ихъ *статки* къ ихъ местомъ» (ДДГ, № 53, с. 15).

О происхождении слова *статок* ('движимое) имущество', засвидетельствованного в великорусских памятниках XV—XVII вв. преимущественно делового характера, мнения ученых сильно расходятся. Я. А. Спринчак приводит слово *статокъ* 'имущество нарушителя закона' в списке слов, употреблявшихся в московских грамотах XIV—XV вв., но неизвестных памятникам белорусского и украинского языков, т. е. как типичное великорусское слово, характеризующее великорусский деловой язык в противопоставлении с западнорусским (Спринчак, 121), несмотря на то, что неизвестное современному русскому литературному языку слово *статок* широко распространено в украинском и белорусском языках (*статок* 1. 'имущество', 2. 'скот' — Гринченко IV, 200; 1. 'достаток, состояние, имущество'; *статки* мн. ч. 'достатки', 2. обл. 'скот' УРС V, 494—495; *статак* 'стадо' — БРС, 880), а также засвидетельствовано в смежных с ними великорусских областях, в том числе и псковских (*статок* 'достаток, именье, стяжанье, нажитье или богатство' характеризуется В. Далем как «старое и западное, псковское» — Даль IV, 310). А. В. Исаченко, характеризуя язык московских судебных книг конца XV—XVI в., отмечает это слово в Судебнике 1497 г. (ср. Суд. 25) и причисляет его к словам западнославянского происхождения. При этом указывается на чешск. *statky* 'имущество' и польск. *statki* 'посуда' с тем, что, по мнению А. В. Исаченко, значение 'имущество' в польском не засвидетельствовано (Исаченко 241—242); это последнее замечание указывает, по-видимому, на то, что автор считал возможным возвести данное слово прямо к чешскому, без посредства не только западнорусского, но и польского языка. Между тем на самом деле слово *статок* было хорошо известно западнорусскому языку. Правда, в словарных источниках оно приводится из несколько более поздних западнорусских памятников, чем литовско-русский договор 1449 г. (ССУМ II, 385 — с 1459 г., Булыко, 307 — с 1488 г.), однако оно засвидетельствовано в Крестоцеловальной записи князя Ф. Л. Воротынского Казимиру IV, написанной в Троках 5 февраля 1448 г., причем в такой же фразе, в какой мы его встретили в польско-русском договоре 1449 г., ср.: «А люди г(о)с(по)д(а)ра нашего, короля, которыи зашли из литовь-

¹ По любезному указанию А. А. Алексеева (Ленинград) слово *статок* засвидетельствовано несколько раньше в одной из грамот, вышедших из митрополичьей канцелярии в конце 1447 г. (Послание российского духовенства углицкому князю Дмитрию Юрьевичу — АИ I, № 40. С. 81). В грамоте этой встречаются и другие западнорусизмы: *господарство* (в издании: *государство*, с. 76, 77), *погосподарствовати* («и колико еси *погосподарствоваль*», с. 77), *доставати* («доставая Великого Княженья», с. 81, ср. также выше, с. 91).

ского княжества в Московскую землю, князю Ивану Аньдреевичу выпустити добровольно со всеми их *статки*» (ДДГ, № 50, с. 150). Об известности слова *статок* в западнорусском языке и в более раннее время свидетельствует его фиксация в Ипатьевской летописи под 1190 г., т. е. в составе Киевского летописного свода: «и дворъ зажгоша, и *статокъ* его весь поимаша» (ПСРЛ II, 669; ср. Срезн. III, 509). Из этого контекста видно, что *статокъ* означало 'движимое имущество'. Слово *статокъ* фиксируется также в псковских летописях при описании морового поветрия в Пскове в 1352 г.: «[...] и богатым бо всяким тцится послужити и въ животе и по смерти, да наследуютъ что отъ имениа ихъ; аще кто кому отдаваху умираху» (Псков. лет. I, 22—Псковская 1-я летопись по списку конца XVI в.; ср. то же в Псковской 3-й летописи по списку 60-х годов XVI в.—Псков. лет. II, 101). Отметим, что в Псковской 2-й летописи, сохранившейся в списке конца XV в., этот рассказ отсутствует, под 1352 (6820) г. в ней читается только ссылка на это описание: «Бысть моръ золь въ Пскове и по селомъ и по всей волости хракотныи; о сем пространне обрящеши написано в Русском летописци» (Псков. лет. II, 27), поэтому нельзя уверенно сказать, относится ли появление слова *статок* в псковском говоре только к XVI в. или к более раннему времени. Слово *статок* в цитированном отрывке И. И. Срезневским толкуется как 'наследство' (Срезн. III, 509), хотя здесь возможно и значение 'имущество'. В великорусских юридических текстах второй половины XV—XVI в. слово *статок* на самом деле могло употребляться также в значении 'наследство', в списках Музейного вида Карамзинской группы Русской правды оно заменяет основной для Русской Правды термин в этом значении *задница* (РП I, 385—387, ср. Живов 1987, 67, примеч. 24).

Для великорусского делового языка середины XV в. слово *статок* является новым словом, между тем как в западнорусском оно имело более древнюю традицию употребления, и, судя по фиксации слова в Киевской летописи, а также по широкому распространению этого слова в современных украинском и белорусском языках, в Западной Руси оно имело поддержку и со стороны разговорного субстрата. В великорусском, наоборот, это слово распространилось канцелярским путем и оставалось до конца своего существования типичным канцеляризмом, как об этом свидетельствует его дальнейшая судьба.

После литовско-русского договора 1449 г. (или почти одновременно с ним) слово *статок* засвидетельствовано в одной из жалованных грамот Василия II митрополиту Ионе, датированной 1448—1461 гг.: «[...] яз князь великий Василей Васильевич, отца своего для Ионы митрополита Киевскаго и всеа Руси, тех его христиан пожаловал того Левка *остатком* и конми и животиною и рожью и ярю, и что ни есть того Левка *остатка*, тем есмь всех тех митрополичих христиан пожаловал, и в того бы *остаток* Левков ни кто ся не вступал. А хто ся имет вступати в тот Левков *остаток*, и яз дал на того пристава своего [...]» (АФЗХ I, № 116, с. 108 — по сп. XVI в.). Так как в других жалованных грамотах Василия II слово *статок* не встречается, можно предположить, что слово попало в этот текст из предшествовавшего жалованной грамоте челобитной митрополита Ионы, т. е. в великокняжеской грамоте отражается в конечном итоге языковая практика митрополичьей канцелярии (о механизме составления постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, см. Шмидт, 258—259). Таким образом, ранняя история слова *статок* в языке московской государственной дипломатии (литовско-

русский договор 1449 г.) и в указанной великокняжеской грамоте может объясняться влиянием «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии². Закреплению слова в московском деловом языке могло способствовать и частое его употребление в дипломатических документах литовской великокняжеской канцелярии, адресованных в Москву. Слово *статки* (обычно в форме мн. ч.) встречается постоянно при перечислении обид литовской стороны уже начиная с первых сохранившихся такого рода документов, ср.: «А платья и иных *статковъ* всего взяли на шестдесят рублевъ», «Кони и коровы и иную каждую животину, платья и все домовые *статки* побрали» (ПДП I, № 1, 1487 г., с. 2), «А животы и *статки* все побрали» (там же, № 8, 1489 г., с. 36). Слово *статки* засвидетельствовано и в западнорусских юридических текстах, как, например, в Судебнике Казимира IV, данном Литве в 1468 г.: «А будет ли в дому *статков* татя того, и он домовыми *статкы* плати» (ст. 4, см. Яковкин, 12; ср. также ст. 6, там же).

В московских великокняжеских грамотах после упомянутых двух случаев ок. середины XV в. *статки* встречается в поручной грамоте Ивана Воронцова великому князю Ивану III ок. 1474 г. (по списку конца XV — начала XVI в.): «а животы и села и *състатки* кн(я)жи Даниловы всѣ, а то великомѣ кн(я)зю» (АСЭИ III, № 19, с. 35).

В великорусских юридических памятниках слово *статок* 'имущество', 'наследство' часто встречается в Судебнике Ивана III 1497 г. Можно думать, что значение 'наследство' возникло в великорусском из более раннего значения 'движимое имущество' как раз в юридической терминологии. В статье о наследстве Судебника 1497 г. *статок* относится определенно к движимому имуществу в составе наследства, так как упоминается о «статке» и о «землях» отдельно: «А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино *статок* весь и земли дочери, а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его рода» (ст. 60, Суд. 27). В других статьях, в которых говорится о воровстве, слово *статок* может быть заменено по смыслу как словом *имущество*, так и словом *наследство*, но, поскольку в этих контекстах оттенок наследства отодвигается на задний план (нет речи о наследниках, так как имущество вора конфискуется), можно принять, что слово *статок* употребляется и в этих статьях в основном своем значении 'имущество', ср., например, в ст. 11: «А поймают татя въдругие с татбою, ино его казнити смертною казнию, а исцево заплатити изъ его *статна*, а досталь его *статна* судье. А не будет у того татя *статна* с исцеву тыбель, ино его исцу в гибели не выдати, казнити его смертною казнию» (Суд. 20).

Слово *статок* впоследствии переходило из Судебника 1497 г. в более поздние судебники, а также в другие юридические акты. Ср. в Судебнике 1550 г.: «А не скажет на себя сам, ино его вкинути в тюрьму до смерти, а исцево заплатити из его статка» (ст. 52, ПРП IV, 245). В Судебнике 1589 г. появляется в данном месте форма мн. ч.: «[...] а исцево заплатити из его *статковч*» (ст. 103, ПРП IV, 425). В Сводном Судебнике начала XVII в. слово встречается в форме то единственного, то множественного числа в рамках одной и той же статьи: «[...] и заплатити исцово из его *статка*; а что его *статка* останецца за исцовым — и то отдати в про-

² Это тем более вероятно, что употреблению слова *статок* в этих двух грамотах хронологически предшествует его фиксация в Послании российского духовенства углицкому князю Дмитрию Юрьевичу 1447 г., составленном, очевидно, в митрополичьей канцелярии (см. выше, с. 105, примеч. 1).

гоны. А не будет у которого лихого столко *статков*, чем исцово заплатить, ино его исцу в его гибели не выдавати, казнити его смертною казнью» (грань 9, гл. 61, ПРП IV, 507). Вне состава судебных актов это слово употреблялось обычно в форме мн. ч. уже в конце XV — первой половине XVI в., ср., например, в правой грамоте рязанских писцов ок. 1535 г.: «а подворишка гне наши разграбили, а животы и *статки* поймали» (Пам. ряз., № 66, с. 103) или в Губной белозерской грамоте 1539 г.: «[...] и тех бы разбойников подворья, животы и *статкы* отдавали б естя тем людем, которых учините у себя в головах» (ПРП IV, 178). По наблюдениям Е. Н. Поляковой, слово *статки* 'имущество' широко употреблялось и в пермских деловых документах XVII в., но оно не оставило за собой никаких следов в народных говорах. Все это указывает на то, что данное слово было элементом не народного языка, а принадлежностью специальной приказной лексики (Полякова, 46—47). Отметим еще наличие этого слова (в качестве двух самостоятельных заглавных слов *статки* и *статок*) в рукописном лексиконе XVIII в. (Аверьянова, 390). В словарях современного русского литературного языка это слово не засвидетельствовано, оно вышло из употребления, по-видимому, еще в XVIII в.

Возвращаясь к вопросу о происхождении этого слова в великорусском, констатация факта, что оно было заимствовано из западнорусского, подтверждает точку зрения А. М. Булыко, который *статок* в западнорусском (старобелорусском) рассматривает как заимствование из польск. *statek* (Булыко, 307). Правда (и в этом отношении прав А. В. Исаченко), в современном польском языке *statek* имеет значение 'корабль' (с начала XVII в., Брюкнер, 514; это значение засвидетельствовано и в русском переводе с польского XVII в.: *статки морские* в соответствии с польск. *statki morskie* — Двор Цесаря Тур. 42, КДРС) и *statki* (только мн. ч.) — 'орудия, инструменты, посуда', но современные значения польского слова развились из более раннего значения 'движимое имущество', хорошо засвидетельствованного в древнепольских памятниках начиная с конца XIV в. (ССТП VIII, 429—430). Поэтому нельзя согласиться с указанным предположением А. В. Исаченко о том, что великорусск. *статок* могло быть заимствованным прямо из чешск. *statek*. В древнечешском *statek* засвидетельствовано — как и в древнепольском — в значении 'движимое имущество' (Гебауэр I, 218, s. v. *dědina*). Нельзя согласиться и с мнением В. Махека, согласно которому чешск. *statek* слово праславянского происхождения (Махек, 575), так как приведенные им параллели из восточнославянских языков (в южнославянских языках это слово неизвестно), как мы видели, заимствованы из польского. Остается выяснить взаимоотношение чешского и польского слов; возможно, что и в данном случае мы имеем дело с ранним бегемизмом в польском языке (ср. Золтан 1983б).

3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Западной Европой до 1487—1488 гг. не дошли до нас в непосредственной форме (в виде грамот, договоров, посольской документации и т. п.), однако начиная со второй половины XV в. официальное летописание все шире использует актовый материал, в летописи включаются и документы, касающиеся дипломатических сношений (см. Лихачев, 354—360). Благодаря этому обстоятельству летописные известия о дипломатических сношениях в некоторой степени могут заменить несохранившуюся документацию; языковые особенности этих известий показыва-

ют, что западнорусский язык и в 60—80-е годы XV в. выступал в качестве языка-посредника в сношениях Москвы с Западом.

3.1. После Флорентийского собора контакты Москвы с папским двором и Италией возобновились в 1469 г., когда в Москву прибыл Юрий Грек с посольством от кардинала Виссариона с предложением руки Софьи Палеолог Ивану III: «Прииде из Рима от гардинала Висариона Грекъ Юрьи именем к великому князю с *листомъ*, в нем же писано, что: “есть в Риме деспота Яморйискаго Фомы Ветхославца от царства Костянтина града дщерь его София именем, православная христьянка. Аще восхощещи поняти ея, то аз учиню в твоём государствѣ [...]”» (ПСРА XXVI, 225, ср. также ПСРА XXV). Термин *лист* для обозначения грамоты кардинала Виссариона свидетельствует о западнорусской языковой стилистике, хотя, судя по церковнославянскому языку перевода, сама грамота была написана на греческом языке, что, впрочем, вполне естественно, так как кардинал Виссарион был также греком — митрополитом никейским, видным сторонником унии среди греков на Флорентийском соборе. Знаменательно также, что Юрий Грек (Траханиот) в Софийской 2-й летописи назван «паном Юргою» (ПСРА VI, 196, ср. Хорощкевич, 180).

Посредством западнорусского перевода стала известной в Москве папская охранная грамота для послов Ивана III, как об этом свидетельствует ее пересказ в Воскресенской летописи под 1469 г.: «А *листы* своя далъ Ивану Фрязину таковы: что посломъ великого князя ходити *добровольно* два года по всѣмъ землямъ, которые под его *папежствомъ присегаютъ* (ПСРА VIII, 155 КДРС; ср. также ПСРА XXV, 281). Кроме западнорусских слов, отмеченных уже и в более ранних памятниках (*лист, добровольно, папежество*), обращает на себя внимание глагол *присягати*, который в великорусском тексте засвидетельствован здесь впервые (ср. КДРС). Русск. *присяга, присягать / присягнуть* рассматриваются обычно как «общеславянские», т. е. праславянские образования посредством приставки *при-* от *слагати* ‘касаться’, т. е. *присяга* значит буквально ‘прикосновение (к предмету клятвы)’ (ср. КЭС, 365, Брюкнер, 445, Махек, 535; Фасмер, III, 367; Сергеев 1978, 19—20). Слова *присяга* ‘клятва’, *присягати* ‘клясться’ на самом деле были известны старославянскому языку (С.—А. 105) и спорадически попадали и в церковнославянские тексты русской редакции XI в. (Срезн. II, 1476), но, по-видимому, они не получили распространения в древнерусском языке, в котором употреблялись в синонимическом значении слова *клятва* и *рота*. После введения христианства в Киевской Руси начинает распространяться обряд присяги, связанный с целованием креста как одного из священных предметов (Сергеев 1978, 5—19); основным термином в московском деловом языке XIV—XVII вв. для данного понятия оставалось *крестное целование* (обряд крестного целования для XVII в. подробно описан Котошихиным, см. Пеннингтон 1980, 84; ср. Сергеев 1978, 11). Московскому обряду крестного целования в памятниках дипломатических сношений конца XV в. противопоставляется *присяга* как типичный западноевропейский обычай, ср. в инструкции московским послам, отправленным к Максимилиану Габсбургу в 1490 г.: «А не захочеть Король креста цѣловати, а похочеть *присягу* дати по своему обычаю, и Король бы далъ *присягу* на докончалной грамотѣ, по своему закону» (ПДС I, 41). В памятниках сношений Москвы с Польско-Литовским государством слова *присяга, присягати / присягнути* характеризуют речь представителей польско-литовской стороны; ср. в речи литовского посла в 1487 г.: «и мы есмо ихъ *присяги* изъ ихъ записовъ не выпустили» (ПДП I, № 1,

с. 3) или в записи ответа Казимира IV московским послам в 1489 г.: «бо тот князь Дмитрей намъ и великому князству Литовскому *присягнулъ* и записался и до-кончяніе вчинилъ; про то мы съ тоѣ *присяги* не выпускаемъ» (ПДП I, № 9, с. 40). Слова *присяга*, *присягать* могут относиться только к польско-литовской стороне еще и в XVI в., ср. в послании Ивана Грозного Стефану Баторию 1581 г.: «поругаючись на шему *крестному целованью*, что мы к тебе на грамоте *крест целовали*, и через *присягу* послов своих, которое они учинили за твою душу» (Иван Грозный, 217), «ты на том *присягал*, что тебе Лифлянское земли достапати» (там же, 229; ср. Золтан 1983а, 340—341). Слова эти глоссируются еще и в московском переводе-редакции Литовского Статута: «присягуютъ» (Лаппо, 35), «очиститься присягою, сирѣчь крестнымъ целованьемъ» (там же, 37), «под присягою нашу, сирѣчь за крестнымъ целованьемъ» (там же, 85) и др. Из текстов, написанных на церковнославянском языке, глагол *присяжи* отмечается в Геннадиевской библии 1499 г., в ветхозаветной книге Неемии, переведенной с латинского: «и присягль на ба» (ср. лат. «et adiuravi in Deo», Неем. XIII, 25 — КДРС).

Ранняя история слов *присягати* / *присягнути*, *присяга* в великорусском свидетельствует о том, что они были заимствованы из западнорусского во второй половине XV в. в связи с дипломатическими сношениями с Западом, а не продолжают соответствующие церковнославянские слова, засвидетельствованные sporadически в древнерусских памятниках. Повторное заимствование из западнорусского подтверждается и тем, что на протяжении XV—XVII вв. эти слова в великорусском употреблялись в качестве экзотизмов, они обозначали не свой, а чужой обычай. Слова эти стали общеупотребительными в русском языке лишь к началу XVIII в., когда *крестное целование* выходит из употребления (ср. Сергеев 1978, 14, 22). По свидетельству «Российской грамматики» А. А. Барсова (1783—1788 гг.), в языковом сознании второй половины XVIII в. еще отражалось иноязычное происхождение слова *присяга*. Так, А. А. Барсов, возражая «прежним грамматикам», которые отвергали формы превосходной степени с префиксом *наи-* как «отъ польскаго языка къ намъ прившедшіе», приводит между прочим и аргумент, что «польское ихъ происхождение по сродству польскаго языка съ Россійскимъ чрезъ славенскій не должно имъ вредить, тѣмъ паче, что и кромѣ того есть польскія слова в нашъ языкъ принятія какъ: *присяга*, *опекунъ*, и проч. то должно и ихъ уже знать и употреблять безъ сомнѣнія» (Барсов, 496—487).

В западнорусском языке *присяга*, *присягати* / *присягнути* (*присячь*) засвидетельствованы большим количеством примеров уже со второй половины XIV в. (ССУМ II, 249, 271). Слова *przysiega*, *przysiegać* / *przysiąc* с многочисленными дериватами широко представлены в древнепольских памятниках конца XIV—XV в. (ССтп VII, 344—355), поэтому можно предположить, что слова *присяга*, *присягати* / *присягнути* заменили цсл. *крестное цѣловате*, *цѣловати крестъ* в западнорусском (ср. ССУМ I, 512) под польским влиянием (ср. Кохман и Шнигер).

Западнорусская лексика широко отражена и в переводе папской грамоты 1472 г., пересказанной в летописях: «Мѣсяца же Іуніа 24 отпустиша царевну Софію изъ Рима за великого князя [...]. И поидоша не тѣмъ путемъ, куды рязинъ шель, но все [вар.: всею] областію *папежскою* къ морю. А папа по всѣмъ градомъ послалъ *листы своя*, такоже и по мѣстомъ, имиже имъ ити бяше [...], а пища имъ чтобы всѣ князи земель тѣхъ и *панове* честніи и *бискупы* и вся земля, гдѣ ни при-

деть царевна, стрѣчали бы есте ее и чтили и кормь давали [...]. И по тѣмъ листомъ папежскимъ велику честь вси земли тѣ въздаша царевнѣ Софїи» (ПСРЛ XII, 147; ср. ПСРЛ XXV, 296).

Отметим в связи с этим, что непонятно, почему «изменение маршрута кортежа Софьи — не через Польшу и Великое княжество Литовское, а по Балтике — заставляет думать о большой роли поляков в подготовке брака», как пишет А. Л. Хорошкевич. Нам думается, что этот брак, призванный возвысить авторитет московского государя на международной арене, мог вызвать сопротивление польской дипломатии. Необходимо указать, что выделенные нами в цитированном пересказе папской грамоты «полонизмы» не свидетельствуют ни о какой-либо роли поляков в подготовке брака Ивана III с Софьей, ни об «участии в переводе польских толмачей» (Хорошкевич, 182, примеч. 637). Переводчиками латинской грамоты вполне могли быть выходцы из Западной Руси, находившиеся на службе московской дипломатии. В приведенной цитате нет ни одного слова, которое было бы неизвестным западнорусскому языку, и все они (*бискуп, лист, пан, папежский*) встречаются в памятниках московской церковной дипломатии середины XV в. Наличие их в этом тексте свидетельствует лишь о продолжении в 70-е годы XV в. той традиции использования западнорусского языка в сношениях Москвы с Западной Европой, которую мы обнаружили уже в произведениях о Флорентийском соборе (ср. Золтан 1985).

Появление латинского «крыжа» и в этот раз вызвало резкое возражение в Москве. Посольство уже приближалось к Москве, когда великому князю стало известно, что «тотъ посол Антонии лягатос идеть со царевною, а пред ним *крыж* несут» (ПСРЛ XXV, 299), при этом советники Ивана III прямо ссылаются на митрополита Исидора: «Нѣсть се бывало в земли нашей, что почести быта Латынской вѣре, учинил бы то един Сидоръ, и он и погибе» (там же). После совещания с митрополитом Филиппом Иван III «посла к тому лягату, чтобы не шел пред ним *крыж*, но повелѣ скрыти его» (там же).

На западнорусское посредство в русско-итальянских контактах, завязавшихся в связи с посольствами в Рим, указывает и слово *муроль* (*муляръ*) 'зодчий', появившееся в летописных известиях 1475 г., когда возвратился из Венеции в Москву посол Ивана III и «привел с собою мастера *муроля*, кои ставит церкви и полаты, Аристотеля именем», т. е. Аристотеля Фиораванти (ПСРЛ XXV, 303; VIII, 181; ср. Казакова, 96); в том же известии засвидетельствован и другой вариант этого слова — *муляръ*: «Венецѣиский *муляръ* Аристотель начать рвы копати на основание церкви Пречистой Богородици» (ПСРЛ XXV, 303; XVIII, 260, ср. СРЯ IX, 307). Слово *муроль* / *муляръ* заимствовано не из итальянского прилагательного *murale* 'стенной', как полагает А. Л. Хорошкевич (228), а из западнорусского *муралъ, муларъ, муляръ* (см. Ильенко, 12), заимствованного из польск. *murarz, mularz* 'каменщик' (Булыко, 209), которое образовано от *mu* 'стена' (ССтп IV, 364—365); форма *mularz* возникла в результате диссимиляции из *murarz* (Брюкнер, 348). В современных белорусском и украинском языках *муляр* 'каменщик' является основным названием данной профессии; в великорусском это слово не получило распространения (ср. также образованный от того же корня глагол *муровати*, отмеченный в Хождении неизвестного суздальца на Флорентийский собор, см. Хожд., 65, 69, 70).

В том же известии в другой раз Аристотель титулуется словом *мистр*: «*Мистр* Венецѣиский Аристотель начат разбивати церкви Пречистыя непадшиа стены

новья» (ПСРЛ XXV, 303). Слово это встречается и в более ранних памятниках, но в другом значении — ‘магистр рыцарского ордена’ (впервые по отношению к магистру ордена на Родосе в Хождении Зосимы 1420 г., см. Фасмер II, 627—628, позже также по отношению к главе немецкого ордена в Прибалтике, см. ДРС IX, 178); в значении ‘мастер’ это слово засвидетельствовано здесь впервые (ср. ДРС IX, 178—179, где цитируется форма *мистро* из летописного известия 1490 г., относящегося также к итальянскому специалисту: «И приведоша съ собою [...] лекаря, *мистро* Олена Жидовина, из Вѣнецѣи» — Ерм. лет., ПСРЛ XXIII, 187). Быть может, что форма *мистро* в данном случае представляет собой контаминацию итал. *maestro* и слова *мистр*, заимствованного посредством зап.-русск. *мистр* из польск. *mistrz*, которое вместе с чешск. *mistr* восходит к ср.-в.-н. *meister*, которое заимствовано из лат. *magister* (Булыко, 204; Лиминг, 80). Форму *мистр* в летописном известии 1475 г. А. Л. Хорошкевич необоснованно считает словом, вошедшим в русский язык «в венецианском произношении» (Хорошкевич, 228); эта форма характеризует второй член сложений, заимствованных русским языком из польского через западнорусское посредство, ср. *бурмистр*, *кухмистр* (Гардинер, 152).

3.2. На основе некоторых лексических особенностей известий о турках, встречающихся в великорусских летописях и в грамотах государственных и церковных деятелей 60—70-х годов XV в., можно предположить, что некоторая информация о турецком наступлении в Южной Европе поступила в Москву и в другие великорусские области через Западную Русь или посредством выходцев из Западной Руси, находившихся на службе московской дипломатии. После падения Константинополя в 1453 г. появляется в московских источниках прилагательное *турецкий*, заимствованное из польск. *turecki* (Фасмер IV, 125—126, s. v. *турок* и *Турция*), по-видимому, через западнорусское посредство. В связи с этим необходимо указать, что основной формой прилагательного, образованного от этнонима *турок*, на протяжении XV—XVII вв. и еще и в начале XVIII в. было не *турецкий*, а *турский* (*турской*) (см. Живов 1982, 340). В ранних известиях о турках в великорусских памятниках выступает обычно *турский*, ср. в заметке неизвестного суздальца, автора «Хождения на Флорентийский собор» о встрече с сербским деспотом Георгием Бранковичем в 1440 г. в Загребе: «запленено бысть црство его серпское от *турьскаго* царя Амурата» (Хожд., 70; ср. Казакова, 39). В такой же форме засвидетельствовано это прилагательное и в «Повести о Царьграде» Нестора Искандера по списку начала XVI в.: «пройде сквозе все рати морския *турского*» (Русск. пов., 61), хотя в этом тексте встречается ряд лексических западнорусизмов (*израда* ‘измена’, *гуфа* ‘отряд’, *башта* ‘башня’, *дело* ‘пушка’, *пицаль* ‘род огнестрельного оружия’, *збруя* ‘снаряжение’ и некоторые другие, см. Штриккер, 173—183); отметим, что около середины XV в. форма *турский* не была еще чуждой и западнорусскому языку, ср. запись о падении Константинополя в Вольнской краткой летописи (сп. начала XVI в.) под 1453 г.: «Попущением божиим взят бысть Царьград царем *турьским* месяца мая 29» (ПСРЛ XXXV, 122). В староукраинских грамотах XV в. преобладает уже форма *турецкий* (19 раз, начиная с 1433—1443 гг., ССУМ II, 450), но отмечается еще и *турский* (3 раза, там же). Форма *турский* совпадает с соответствующими прилагательными в южнославянских языках (ср. болг., с.-х. *турски*); можно полагать, что русск. *турский* заимствовано из этих южнославянских форм, так как по историко-географическим соображениям вполне вероятно, что первые известия о турках могли

распространиться как в Западной, так и в Московской Руси посредством балканских славян уже в XIV в.

Наряду с основной формой *турский* довольно рано появляется в великорусских памятниках и полонизм *турецкий*, который указывает на другой канал информации о турках — через Западную Русь. М. Фасмер указывает на Ивана Пересветова, в сочинениях которого ему впервые встретилась форма *турецкий*; у Пересветова, выходца из Западной Руси, как известно, встречается ряд западнорусизмов (см. Тамань 1960, 98—104; 1961, 198—199). Отметим, что *турецкий* засвидетельствовано лишь в списках одной из редакций (т. н. неполной) сочинений Пересветова, ср., например: «*Турецкий* царь Махмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам *турецким*, а греческия книги прочет, и написал слово в слово *по-турецки* (Пересветов, 187); другие примеры см. там же, 188, 189, 193), в т. н. полной редакции читается везде *турской*: «Царь *турской* Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам *по турским*, а се греческия книги прочел, и написав слово в слово *по-турски* (там же, 151). Можно полагать, что в автографе употреблялась западнорусская форма *турецкий*, которая в одной из редакций была заменена более обычной для Московской Руси XVI—XVII вв. формой *турской*.

Указанная М. Фасмером фиксация формы *турецкий* в великорусских памятниках не является самой ранней. Эта форма засвидетельствована уже в 60—70-е годы XV в., ср. в послании Ивана III новгородскому архиепископу Ионе, датированном 1465—1470 гг., в котором великий князь, ссылаясь на падение Константинополя, упоминает о том, что там «большіе церкви Божіи соборные *турецкий* царь въ мизгити починилъ; а которые церкви оставилъ патрѣярху, на тѣхъ крѣстовъ нѣтъ, ни звону у нихъ нѣтъ, поють безъ звону» (РИБ VI, № 100, с. 711). О западнорусском источнике этой информации свидетельствует и наличие слова *звон* 'колокол', отмеченного В. В. Ильенко в сходном контексте в Тверской летописи под 1465 г. (Ильенко, 12). Сравнение этих двух текстов показывает, что несмотря на диаметрально различную интерпретацию того же факта, они восходят к одному и тому же источнику, ср.: «Того же лѣта взять былъ Царьградъ отъ *Турскаго* отъ салтанаа; а вѣры Рускые не преставилъ, а патріарха не свель, но одинъ въ градѣ *звонъ* отнял; у Софіи премудрости Божія и по всѣмъ церквамъ служить литургію божественную, и завтрению поють безъ *звону*, а Русь къ церкви ходять, а пѣнія слушаютъ, а крещеніе Руское есть» (ПСРЛ XV, 495). В общем западнорусском источнике читалось, по-видимому, *турецкий*, которое в летописи заменено формой *турский*, но сохранилось здесь другое западнорусское слово — *звон* 'колокол' (ср. укр. *дзвін*, польск. *dzwon* 'то же'). Отметим, что в подобном контексте употребляется слово *звон* и в Большой челобитной Ивана Пересветова: «[...] Махмет-салтан, *турецкий* царь, разбойнический род, осилел, и Царьгород взял [...], и красоту церковную обезчестил, *звонны* церковныя поотыимал, и кресты с церковей поснимал, и образы чудотворныя из церковей повыносил, и в церквах мезгити поделал на свои скверныя молитвы» (Пересветов, 205; ср. в полной редакции: «[...] *турской* царь [...] *звон* церковный поотнимал [...]», там же, 178 — КДРС). Слово *звон* употреблялось в великорусских памятниках XV—XVI вв. в других значениях ('действие по глаг. *звонити*', 'звучание, звук колокола, звон', 'звук, гул; отзвук' и др., ДРС V, 356 357; с западнорусским *звон* 'колокол' может быть связано только отмечаемое с XVI в. значение 'несколько колоколов разного размера, подобранных специально для гармонического звучания', см. там же).

На то же событие — взятие Константинополя турками — ссылается и митрополит Филипп в своей грамоте новгородцам 1471 г.: «а какъ оставя истину, да съединилсѣ Царь и Патріархъ Іосифъ съ Латиною [...], не впаль ли въ руки Царьградъ' поганымъ, не въ *Турьцкихъ* ли рукахъ и нынѣ?» (АИ I, № 281, с. 514); форма *турьцкий* является контаминацией форм *турский* и *турецкий*. По-видимому, более редкая форма *турецкий* в конце XV в. воспринималась как более высокая, чем общеупотребительная форма *турский*; во всяком случае, в исповедании епископов времен митрополита Симона (1495—1511 гг.) употреблялся как раз полонизм по происхождению *турецкий*, а не общая с южнославянскими языками форма *турский*: «Такоже и всѣхъ тѣхъ отрицаюся, еже по немъ [после Спиридона Сатаны. — А. З.] когда случитсѣ кому прїити на Кіевъ отъ Рима латинскаго, или отъ Царяграда *турецкія* дръжавы» (РИБ VI, № 52, с. 451—452, примеч. 3; ср. Малинин, 483).

Слово *турецкий* засвидетельствовано также в Псковской 2-й летописи (сп. конца XV в.) под 1485 г.: «Того же лѣта волынскыи [д. б. *волошский*, т. е. 'молдавский'. — А. З.] воевода Стефанъ и угорскыи царь и ляцкыи литовскыи князь великыи король Андрѣи съ всѣми своими князми, и понаимовавше множество *жолнырѣи* немецкихъ, идоша на поганого царя *турецкого* и отняша преже Бѣлгород и по том Келию град волынскыи» (Псков. лет. II, 67). О западнорусском источнике этого известия свидетельствует и слово *жолнырь* 'наемный солдат' (<польск. *żołnierz*, см. Фасмер II, 61; Лиминг, 107; ЕСУМ II, 202).

В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Крымом употребляется в конце XV — начале XVI в. обычно *турский* (КрД I, 74 и след.); форма *турецкий* встречается редко, ср., например, в инструкции русским послам 1502 г., сформулированной, по-видимому, западнорусским писцом, находящимся на службе московской дипломатии: «да и про *турецкого* ему пытати, где будет и с кем *валчит*» (КрД I, 405; ср. Сергеев 1972, 43—44); на западнорусского автора указывает здесь и *валчити* 'воевать'. В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским форма *турецкий* характеризует сначала только высказывания польско-литовской стороны, ср. в ответе польского короля московским послам 1490 г.: «ещо и чюжій товаръ брали *турецкихъ* купцовъ» (ПДП I, № 11, с. 46), однако со временем этот вариант закрепляется и в документах московской дипломатии, ср., например, в ответе Ивана III польско-литовским послам 1498 г.: «А мы, коли еще хотѣли [...] своихъ пословъ слати до Менли-Гирея и до турецкого» (там же, № 52, с. 248) или в речи московских послов в Литве: «А что послы наши ходять до перекопского и до волошского и до *турецкого* [...]» (там же, № 53, с. 254).

Таким образом, если и не подлежит сомнению, что из вариантов *турецкий* и *турский* последний был основным, общеупотребительным в великорусском языке XV в., каким он и оставался до начала XVIII в., в определенных сферах письменности (в языке дипломатии, а также в некоторых памятниках церковной письменности), то уже в 60—70-е годы XV в. появляется и вариант *турецкий*, который впоследствии (в XVIII в.) вытесняет вариант *турский*.

Материал, представленный в настоящей, а также в двух предыдущих статьях (Золтан 1983 и 1985)³, позволяет сформулировать некоторые выводы:

1. Использование лексических элементов западнорусского языка великорусским дипломатическим языком в общении с Западной Европой имеет более древнюю традицию, чем принято считать на основе посольской документации Московского государства, сохранившейся с конца XV в. (1487—1488 гг.). Та языковая практика, которая наблюдается в памятниках дипломатических сношений конца XV в. и впоследствии прослеживается на протяжении XVI—XVII вв. в документах Посольского приказа, засвидетельствована уже для языковой практики членов русского церковного посольства на Флорентийский собор 1439 г. Непрерывность традиции использования западнорусского языка в качестве московской дипломатии на протяжении 40—70-х годов XV в. подтверждается сохранившимися или пересказанными в летописях документами как церковной, так и государственной дипломатии. Таким образом, отмеченное исследователями наличие большого числа западнорусских слов не только в документах сношений с Польско-Литовским государством, но также с другими европейскими странами, в частности с Германией, является не новшеством конца XV в., а продолжением традиции, сложившейся уже в первой половине XV в.

2. Западнорусский язык мог выступать в качестве дипломатического языка Московского государства в его сношениях с Западной Европой благодаря тому обстоятельству, что по историческим причинам этот язык в качестве административного языка восточнославянских областей Польско-Литовского государства стал эквивалентом средневековой латыни, употреблявшейся как административный язык в других областях этого государства и в то же самое время функционировавшей в качестве языка дипломатии во всей Центральной и Западной Европе. Таким образом, под прямым влиянием латыни или, чаще всего, под влиянием ее польского разговорного субстрата западнорусский язык обогатился рядом терминов, соотносимых не только с польскими, но вообще западноевропейскими реалиями и понятиями. Близкое языковое родство (и вообще отсутствие каких-нибудь следов, которые указывали бы на отражение в языковом сознании XV в. факта распада восточнославянской языковой общности) позволило московским дипломатам воспринимать эти термины западнорусского языка как свои, великорусские экзотизмы и использовать их для передачи западноевропейских реалий и понятий в сочинениях, предназначенных для великорусских читателей. Можно полагать, что наличие именно западнорусской экзотической лексики в великорусских текстах, рассказывающих о контактах с разными западноевропейскими странами, объясняется тем, что в этих контактах с западноевропейской стороны в качестве языка-посредника выступала латынь, а с великорусской стороны — соотносимый с нею западнорусский язык. На такую языковую практику указывает и то обстоятельство, что в московских переводах с латыни XV в. постоянно встречаются западнорусизмы.

3. Закреплению элементов западнорусского языка в языке московской дипломатии несомненно способствовало и то обстоятельство, что окончательное разде-

³ Материал статей данного цикла был опубликован также в качестве учебного пособия для студентов Будапештского университета (на правах рукописи), см. А. Золтан. Из истории русской лексики. Будапешт, 1987. (На обложке: *Zoltán A. Fejezetek az orosz szókincs történetéből.* Budapest: Tankönyvkiadó, 1987.)

ление русской церкви наступило намного позже основного политического разделения восточнославянских земель между Литвой и Москвой. Как показал анализ документов, вышедших из канцелярии последнего общерусского митрополита Ионы (1448—1461), в годы его правления и западнорусской, и восточнорусской церковью (1451—1458) в московской митрополичьей канцелярии составлялись документы и на западнорусском языке. Документы эти были адресованы в большинстве случаев государственным и церковным деятелям Литовской Руси, но на основе двух западнорусских грамот митрополита Ионы, адресованных в Казанское ханство, можно предположить, что в практике митрополичьей канцелярии западнорусский язык воспринимался как язык дипломатии вообще.

4. Язык дипломатии, хотя и обслуживал специфическую сферу общения с иностранцами, не мог быть герметически изолированным от других сфер применения великорусского административного языка. Единичные западнорусские слова проникают и в те грамоты митрополита Ионы, которые адресованы в великорусские области; можно даже утверждать, что некоторые западнорусизмы, как, например, элементы великокняжеского титула *господарь*, *отчиць* и *дѣдичь*, были введены в великорусский деловой язык сознательно. Заслуживает внимания то обстоятельство, что около середины XV в. западнорусизмы характеризуют прежде всего те московские великокняжеские грамоты, которые так или иначе связаны с деятельностью митрополита Ионы, что дает основание предположить, что к их составлению была причастна митрополичья канцелярия. Язык церковной дипломатии, таким образом, мог оказать влияние как на язык документов государственной дипломатии, так и на язык актов внутреннего управления.

5. Опыт — в том числе и языковой — московской церковной дипломатии, накопленный начиная с участия в Флорентийском соборе, был использован, по видимому, московской государственной дипломатией, когда Москва при Иване III завязала дипломатические контакты с рядом европейских стран. Летописные известия 1469—1475 гг., пересказывающие несохранившиеся документы дипломатических сношений Московского государства с папским двором и с итальянскими городами, однозначно подтверждают, что государственная дипломатия продолжала ту же языковую практику, которая сложилась раньше в церковной дипломатии.

6. Анализ лексики памятников московской церковной и государственной дипломатии XV в. позволяет считать язык дипломатии важным каналом проникновения в великорусский деловой язык западнорусской лексики, в том числе прочно усвоенных западнорусским языком лексических и семантических европеизмов. Правда, большинство из анализируемых слов (ок. 50) оставалось на периферии русской лексики не только в пределах XV в., но и позже, на протяжении XV—XVII вв.; они употреблялись в великорусских текстах в качестве экзотизмов, для обозначения чужих понятий и реалий. Однако позже, в начале XVIII в., когда возникла потребность в словах, точно соотносимых с соответствующими словами западноевропейских языков, некоторые из них, как, например, *право*, *присяга*, *справедливый*, вошли в основной словарный фонд русского литературного языка, вытеснив или оттеснив на периферию свои традиционные церковнославянские эквиваленты. Бытование таких слов в языке великорусской дипломатии XV—XVII вв., а также в переводных памятниках XVI—XVII вв. с точки зрения истории русской литературной лексики можно назвать их предысторией.

7. Знание предыстории таких великорусских слов, особенно тех, которые состоят из одних славянских морфем и на фоне русской литературной лексики не отличаются никакими признаками заимствованных слов, приобретает первостепенную важность при изучении межславянских языковых контактов. Как раз то обстоятельство, что некоторые великорусские слова, прежде чем стать элементами общеупотребительной русской литературной лексики, на первых порах их бытования в великорусских памятниках употреблялись в качестве экзотизмов или в составе языковых клише дипломатических документов, позволило в некоторых случаях «поймать с поличным» трудноуловимую иначе миграцию отдельных слов и лексических значений из одного близкородственного языка в другой и тем самым доказать миграционный характер некоторых великорусских слов и лексических значений, считавшихся на основе их общеславянского распространения принадлежностью праславянского наследия, как, например, *господарь* > *государь* 'монарх', *господарство* > *государство*, *добровольно*, *доход*. Выявление межславянских заимствований имеет значение как для верификации результатов реконструкции праславянского словарного фонда, так и для исторической лексикологии русского языка.

Цитируемая литература

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук I—IV. Санкт-Петербург 1836.
- Аверьянова — Рукописный лексикон первой половины XVIII века. Подготовка к печати и вступительная статья А. П. Аверьяновой. Ленинград, 1964.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией I—V. Санкт-Петербург, 1841—1842.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. I—III. Москва, 1952—1964.
- АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства I—III. Москва, 1951—1961.
- Барсов — «Российская грамматика» А. А. Барсова. Подготовка текста и текстологический комментарий М. В. Тоболовой. Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. Москва, 1981.
- БЕР — Български етимологичен речник I—. София, 1971—.
- Богоявленский — С. К. *Богоявленский*. Научное наследие: О Москве XVII века. Москва, 1980.
- БРС — Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. *Кративы*. Москва, 1962.
- Брюкнер — А. *Brückner*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa (2) 1970.
- Булахов — М. Г. *Булахав*. Нататкі па гісторыі лексікі Беларускай мовы, Даследаванні па лексікалогіі. Мінск, 1965, 45—59.
- Булыко — А. М. *Булыка*. Даўнія запазычання беларускай мовы. Мінск, 1972.
- Варш. сл. — Słownik języka polskiego. Ułożony pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwiedzkiego. I—VIII. Warszawa, 1900—1927.
- Виноградов — В. В. *Виноградов*. Из истории русской литературной лексики (К вопросу об исторических связях русского, украинского и белорусского языков): Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ 3 (1947), 7—12.
- Галецкий — О. *Halecki*. Ostatnie lata Świdrigiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915.

Ганник — *Chr. Hannick*, Die Metropolen von Moskau und Kiev nach dem Konzil von Florenz im Lichte der Metropolitan-Urkunden: Sprache und Literatur Altrußlands (= *Studia slavica et baltica* 8). Münster, 1987, 63—71.

Гардинер — *S. C. Gardiner*, German Loanwords in Russian 1550—1690. Oxford 1965.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. *С. Н. Валка*. Москва—Ленинград, 1949.

Гебауэр — *J. Gebauer*. Slovník starocesky I—II. Praha 1903—1916.

Голубинский — *Е. Е. Голубинский*. История русской церкви. I/1—2. Москва² 1901—1904; II/1—2. Москва, 1900—1911.

Г.—Х. — *К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. Москва, 1981.

Гринченко — *Б. Д. Гринченко*. Словарь української мови I—IV. Київ, 1907—1909.

Гринчишин — *Д. Г. Гринчишин*. Из спостережень над адміністративно-юридичною лексикою в українських грамотах XIV—XV ст.: Дослідження і матеріали з української мови 5 (1962) 31—52.

Грушевский V/2 — *Я. Грушевський*. История Украины-Руси, т. V, ч. 2. Львів, 1905.

Гумецкая 1969 — *Л. Л. Гумецкая*. К истории украинско-польских языковых связей: Исследования по польскому языку. Москва, 1969, 219—228.

Гумецкая 1971 — *Л. Л. Гумецкая*. Заметки об украинско-западнорусских связях древнего периода: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Москва, 1971, 113—118.

Даль — *В. И. Даль*, Толковый словарь живого великорусского языка I—IV. Санкт-Петербург (2), 1880—1882.

Дамерау — *N. Damerau*, Russisches und westrussisches bei Kurbskij. Wiesbaden 1963.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати *Л. В. Черепнин*. Отв. ред. *С. В. Бахрушин*. Москва—Ленинград, 1950.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови I—. Київ, 1982—.

ДРС — Словарь русского языка XI—XVII вв. I—. Москва, 1975—.

Живов 1982 — *В. М. Живов*. Margeretiana renovata: RL 6 (1982), 335—351.

Живов 1987 — *В. М. Живов*. История русского права как лингво-семиотическая проблема [в печати; ссылки даются на страницы машинописи].

Золтан 1977 — *А. Золтан*. О старорусском «мѣстичь»: StSl 23 (1977), 161—163.

Золтан 1978 — *А. Zoltán*. Wczesne zapożyczenia polskie w języku rosyjskim a polska leksykologia historyczna: AUBL 9 (1978), 211—219.

Золтан 1983 — *А. Золтан*. К предыстории русск. «государь»: StSl 29 (1983), 71—110.

Золтан 1983а — *А. Золтан*. Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики (К вопросу о полонизмах в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторию): Hungaro-Slavica 1983. Budapest, 1983, 333—344.

Золтан 1983б — *А. Золтан*. Об одном западнорусизме в великорусском деловом языке XV—XVII вв. (*статок / статки*): Rusaica, In memoriam E. Balczyk. Budapest. 1983, 31—40.

Золтан 1984 — А. Золтан. Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в. (К вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси). АКД. Москва, 1984.

Золтан 1985 — А. Золтан. Западнорусская лексика в великорусских произведениях о Флорентийском соборе: StSl 31 (1985), 245—262.

Иван Грозный — Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. В. М. Адриановой-Перетц. Москва — Ленинград, 1951.

Ильенко — В. В. Ильенко. Западные, юго-западные и южные слова в великорусских летописях XV—XVI веков. Днепропетровск 1958.

Ильинский — Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей. Москва, 1911 (= Древности, Труды Славянской комиссии имп. Московского Археологического общества, т. V)

Исаченко — А. Issatschenko, Geschichte der russischen Sprache, 1. Band, Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. Heidelberg, 1980.

Казакова — Н. А. Казакова. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков (Из истории международных культурных связей России). Ленинград, 1980.

Кайперт — Н. Keipert, Der Weg des Russischen zur Weltsprache: Das slavische Alternat der Konzilsbulle von Ferrara-Florenz vom 6. Juli 1439: Slavistische Linguistik 1986 (= Slavistische Beiträge 212). München, 1987, 233—276.

Карский — Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. Москва, 1962.

КДРС — Картотека Древнерусского словаря XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР, Москва).

Клосс — Б. М. Клосс. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. Москва, 1980.

Котков — С. И. Котков. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. Москва, 1974.

Кохман — S. Kochman. Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487—1671) I—IV: Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk 7 (1971), 37—64; 8 (1972), 63—74; 9 (1973), 33—42; 10 (1974), 16—27.

Кохман 1967 — S. Kochman. Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku. Wrocław etc., 1967.

Кохман 1970 — S. Kochman. Z historii czeeko-polsko-rosyjskich związków leksykalnych: FilRos Opole 7 (1970), 69—78.

Кохман 1975 — S. Kochman. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w., Słownictwo. Opole, 1975.

Кохман 1978 — S. Kochman, Z badań nad terminologią dyplomatyczną w języku rosyjskim XVI—XVIII w. (1. gramota, 2. list): FilRos Opole 16 (1978), 73—86.

Кохман и Шнигер — S. Kochman, Cz. Szniwier. Czy roe. *prisjaga* 'присяга' jest polonizmem?: FilRos Gdańsk 12 (1984), 96—104.

Кочин 1935 — Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Сборник подготовлен к печати Г. Е. Кочиным. Москва — Ленинград, 1935.

Кочин 1937 — Материалы для терминологического словаря древней России. Сост. Г. Е. Кочин. Москва — Ленинград, 1937.

КрД — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией I (= СРИО 41)—II (= СРИО 95). Санкт-Петербург, 1884—1895.

Кржижкова — *H. Křížková*. Vývoj opisného futura v jazicích slovanských, zvláště v ruštině. Praha, 1960. (= Acta Universitatis Palackianae Olomucensis, Facultas Philosophica 4, Philologica II).

КЭС — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. Москва, 21971.

Лаппо — *И. И. Лаппо*. Литовский статут в Московском переводе-редакции. Юрьев, 1916.

Лиминг — *H. Leeming*. Rola języka polskiego w rozwoju lekeyki rosyjskiej do roku 1696, Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. Wrocław etc., 1976. (= Prace Komisji Językoznawstwa 44).

Лихачев — *Д. С. Лихачев*. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Москва — Ленинград, 1947.

Лурье — *Я. С. Лурье*. Из истории русского летописания конца XV в.: ТОДРЛ 11 (1955), 156—186.

Малинин — *В. Малинин*. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

Махек — *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého. Praha (3)1971.

Мельников — *Е. И. Мельников*. О чешских лексических элементах в русском языке, заимствованных через посредство польского и других языков: Slavia 36 (1967), 98—114. —

Пам. ряз. — Памятники русской письменности XV—XVI вв., Рязанский край. Изд. подгот. С. И. Котков, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. Москва, 1978.

Пат. Печ. — Патерик Киевского Печерского монастыря. Издание Археографической комиссии. Санкт-Петербург, 1911.

ПДП I — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским I (= СРИО 35). Санкт-Петербург, 1882.

ПДС I — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. I, Сношения с Государствами Европейскими, т. 1, Памятники дипломатических сношений с империею Римскою (с 1488 по 1594 год). Санкт-Петербург, 1851.

Пеннингтон 1968 — *A. E. Pennington*. Future Periphrasis in 17th-Century Russian, Some Evidence from Translated Material: SEER 46 (1968), 31—47.

Пеннингтон 1980 — *Grigorij Kotošixin*. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Edited with a Commentary by A. E. Pennington. Oxford, 1980.

Пересветов — Сочинения И. Пересветова / Подгот. текста А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. Москва — Ленинград, 1956.

Переясл. лет. — Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.). Изд. М. Оболенским. Москва, 1851.

Пещак — Грамоти XIV ст. Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показчики М. М. Пещак. Київ, 1974.

Полоцк, гр. — Полоцкие грамоты XIII—начала XVI в., вып. 1—2. Сост. А. Л. Хорошкевич. Москва, 1977—1978.

Полякова — *Е. Н. Полякова*. Названия имущества в пермских памятниках XVII—начала XVIII века: Живое слово в русской речи Прикамья, Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1976, 37—48.

Попов — *А. Попов*. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). Москва, 1875.

Приселков — *М. Д. Приселков*. Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград, 1916.

Прохаска — *А. Prochaska*. Nieznane dokumenta do unji Florenckiej w Polsce; *Ateneum Wileńskie* 1 (1923), 58—74.

ПРП — Памятники русского права, вып. 1—5. Москва, 1952—1959.

Псков. лет. — Псковские летописи, вып. 1. Пригот. к печати А. Насонов. Москва—Ленинград, 1941; вып. 2. Под ред. А. Н. Насонова. Москва, 1955.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. 1. Лаврентьевская летопись. Москва, 1962; 2. Ипатьевская летопись. Москва, 1962; 6. Софийские летописи. Санкт-Петербург, 1853; 7. Летопись по Воскресенскому списку. Санкт-Петербург, 1859; 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Санкт-Петербург, 1859; 9—12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Москва, 1965; 15/1. Рогожский летописец, 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою Летописью. Москва, 1965; 18. Симеоновская летопись. Санкт-Петербург, 1913; 21. Книга Степенная царского родословия, ч. 1—2. Санкт-Петербург, 1908—1813; 23. Ермолинская летопись. Санкт-Петербург, 1910; 25. Московский летописный свод конца XV в. Москва—Ленинград, 1949; 26. Вологодско-Пермская летопись. Москва—Ленинград, 1959; 27. Никаноровская летопись — Сокращенный летописный свод 1493 г. — Сокращенный летописный свод 1495 г. Москва—Ленинград, 1962; 35. Летописи белорусско-литовские. Москва, 1980.

Речек — *S. Reczek*. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław etc., 1968.

РИБ VI — Памятники древнерусского канонического права, ч. I (Памятники XI—XV вв.). Санкт-Петербург, ²1908. (= РИБ VI)

РП — Правда Русская I—III. Под ред. Б. Д. Грекова. Москва—Ленинград, 1940—1963.

Русск. пов. — Русские повести XV—XVI вв. Сост. М. О. Скрипиль. Москва—Ленинград, 1958.

С. — А. — *L. Sadnik, R. Aitzetmüller*. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

Сергеев 1971 — *Ф. П. Сергеев*. Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. Кишинев, 1971.

Сергеев 1972 — *Ф. П. Сергеев*. Русская терминология международного права XI—XVII вв. Кишинев, 1972.

Сергеев 1978 — *Ф. П. Сергеев*. Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978.

Славский — *F. Sławski*. Słownik etymologiczny języka polskiego I—. Kraków, 1952—.

Собик — *М.-Е. Sobik*. Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Meisenheim am Glan, 1969. (= Slavisch-Baltisches Seminar der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster, Veröffentlichung Nr. 13).

Соболевский — *А. И. Соболевский*. История русского литературного языка. Изд. подготовил А. А. Алексеев. Ленинград, 1980.

СПрасл — Słownik prasłowiański I—. Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974—.

Спринчак — *Я. А. Спринчак*. К сравнительному изучению лексики московских и украинских грамот XIV—XV вв.: ВЯ 1956/6, 115—122.

Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам I—III. Санкт-Петербург, 1893—1912.

- СРНГ — Словарь русских народных говоров I — / Гл. ред. Ф. П. Филин. Ленинград, 1965—.
- ССп — Słownik staropolski I —. Red. naczelny S. Urbańczyk. Warszawa, 1953—.
- ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1—2. Київ, 1977—1978.
- Станг — *Chr. S. Stang*. Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen. Oslo, 1935.
- Суд. — Судебники XV—XVI вв. Подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. Москва — Ленинград, 1952.
- СУМ — Словник української мови I—XI. Київ, 1970—1980.
- Тамань 1960 — *В. М. Тамань*. Полонизмы в языке русских памятников XVI века: Ученые записки ЛГУ № 267, Серия филологических наук, вып. 52 (1960), 98—124.
- Тамань 1961 — *В. М. Тамань*. К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси: Начальный этап формирования русского национального языка. Ленинград, 1961, 197—204.
- Укр. лекс. — Історія української мови, Лексика і фразеологія. Відпов. ред. В. М. Русанівський, Київ, 1983.
- Укр. морф. — Історія української мови, Морфологія. Відпов. ред. В. В. Німчук. Київ, 1978.
- УРС — Українсько-російський словник I—VI. Київ, 1953—1963.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. Москва, 1971.
- Успенский — *Б. А. Успенский*. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Budapest, 1987.
- Успенский и Живов — *Б. А. Успенский, В. М. Живов*. Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века (О книге: *Grigorij Kotošixin*. О Rossii v carstvovanie Alekseja Michajloviča: Text and Commentary. Ed. by A. E. Pennington, Oxford, 1980): IJSLP 28 (1983), 149—180.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка I—IV. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Москва, 1964—1973.
- Ходыницкий — *К. Chodyncki*. Kosciół prawosławny a Rzeczpospolita Polska, Zarzys historyczny 1370—1632. Warszawa, 1934.
- Хожд. — *Н. А. Казакова*. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор»: ТОДРЛ 25 (1970), 60—72.
- Хорошкевич — *А. Л. Хорошкевич*. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. Москва, 1980.
- Черных — *П. Я. Черных*. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Москва, 1956.
- Чурмаева — *Н. В. Чурмаева*. К истории слова *писарь* в русском языке: Русская историческая лексикология / Гл. ред. С. Г. Бархударов. Москва, 1968, 228—233
- Шенкер — *А. Шенкер*. Главные пути лексических заимствований в славянских языках (на материалах чешского, польского и восточнославянских языков): American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists, vol. I, Linguistics. Columbus, Ohio, 1983, 255—267.
- Шмидт — *С. О. Шмидт*. Заметки о языке посланий Ивана Грозного: ТОДРЛ 14 (1958), 256—265.
- Штекль — *G. Stöckl*. Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slaven: Saeculum 5 (München 1964), 104—118.

Штриккер — *G. Stricker*, Stilistische und verbalsyntaktische Untersuchungen zum moskovitischen Prunkstil des 16. Jahrhunderts, Die Erzählung über die Belagerung Pleskaus durch den polnischen König Stephan Bathory 1581/82 im Vergleich mit der Erzählung über die Eroberung Konstantinopels durch die Türken 1453. München, 1979. (= Slavistische Beiträge 127).

Щапов — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Изд. подготовил Я. Н. Щапов. Москва, 1976.

ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка 1/1—. Автор-составитель Н. М. Шанский. Москва, 1963—.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд 1— / Под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1974—.

Яковкин — Законодательные акты Великого княжества Литовского. Сборник материалов подготовлен к печати И. И. Яковкиным. Ленинград, 1936.

Сокращения

АКД — Автореферат кандидатской диссертации

ВЯ — Вопросы языкознания

РИБ — Русская историческая библиотека

СРИО — Сборник императорского Русского исторического общества

ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР

AUBL — Annales Universitatis Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae, Sectio Linguistica

FilRos Opolo — Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu, Seria A, Filologia rosyjska

FilRos Gdańsk — Uniwersytet Gdański, Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego, Filologia rosyjska

IJSLP — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics

RL — Russian Linguistics, International Journal for the Study of the Russian Language

SEER — The Slavonic and East European Review

StSl — Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae